Докладчикъ увѣренъ, что въ Гос. Думѣ проектъ пройдетъ.

Членъ Гос. Думы Воронковъ не раздѣляетъ оптимизма И. С. Клюкева:

— Не Думѣ 3-го іюня реформировать школу.

Говорили и другіе оппоненты:

— Никакимъ семинаріямъ не улучшить положенія сельскаго учителя, пока будетъ существовать административная опека.

— Всѣ попытки окажутся платоническими, пока учителя не соединятся въ общества и не будутъ представлять организованной силы.

Резолюція отложена до завтра.

Комиссія по вопросамъ о школахъ въ мѣстностяхъ съ инородческимъ населеніемъ заслушала рядъ докладовъ (гг. Черкасенко, Прокоповича, г-жи Коротковичъ и др.) объ украинской школѣ.

Общій тонъ докладовъ:

— Съ введеніемъ принудительнаго обученія на русскомъ языкѣ грамотность въ малорусскихъ губерніяхъ падаетъ.

Пренія были очень бурныя. Въ результатѣ вынесена такая резолюція:

«Принимая во вниманіе недостатки постановки школьнаго преподаванія въ

— Съ введеніемъ принудительнаго обученія на русскомъ языкѣ грамотность въ малорусскихъ губерніяхъ падаетъ.

Пренія были очень бурныя. Въ результатѣ вынесена такая резолюція:

«Принимая во вниманіе недостатки постановки школьнаго преподаванія въ мѣстностяхъ съ преобладающимъ украинскимъ населеніемъ и недостиженіе имъ цѣлей образовательныхъ и воспитательныхъ, а также принимая во вниманіе, что школа должна быть близкой и родной населенію и по языку и по всему своему укладу,—комиссія находитъ, что въ мѣстностяхъ съ преобладающимъ украинскимъ населеніемъ школьное преподаваніе должно вестись на украинскомъ языкѣ. Русскій же языкъ долженъ быть главнымъ предметомъ и изученіе его обязательно. Внѣшкольное образованіе также должно вестись на украинскомъ языкѣ. Библіотеки должны заключать въ себѣ и книги на украинскомъ языкѣ. Въ учительскихъ семинаріяхъ и институтахъ должно быть обращено вниманіе на подготовку учителей въ мѣстностяхъ съ украинскимъ населеніемъ, для чего слѣдуетъ ввести преподаваніе украинской литературы и исторіи».

таточной под-
, о необходи-
и экономиче-
го персонала.
омъ положе-
Саблеръ гово-

были изгнаны
905 и послѣ-
ъ слѣдятъ со

еской школѣ
и Соколъ го-
лороссіи, гдѣ
ѣ и коверка-

руссификація

анія на род-
ьна.
то большин-
ихъ губерній
й возможно-
о протестовъ
хвердова въ
ельно на го-
ръ вынуж-
.
даніе секціи
лей начальъ
овалъ членъ
і членъ Гос.
докладъ объ
проекту со-

траивать въ
ахъ типовъ:
ля. Програм-
расширяют-
семинаріи:
ниовчинящихъ
одится авто-

дуетъ ввести преподаваніе украинской литературы и исторіи».

Кризисъ негра Разу.

1.

Въ декабрьской книжкѣ журнала «Новая Жизнь» напечатанъ разсказъ Арцыбашева «Преступленіе доктора Лурье».

Это небольшой разсказъ въ 13 страницъ, даже написанный безъ обычнаго для писателя мастерства и выразительности, но о немъ все же очень стоитъ поговорить поподробнѣе.

Дѣло въ томъ, что этотъ разсказъ есть, по моему глубокому убѣжденію, итогъ цѣлой и значительной полосы творчества нашего писателя, очень талантливаго, но, подобно слѣпому, никакъ не могущаго нащупать настоящую дорогу.

Самая конспективность разсказа, небрежность къ внѣшности его, показываютъ, что авторъ придавалъ ему программный смыслъ.

Разсказъ даже не кончаетъ, но резюмируетъ цѣлую эпоху творчества Арцыбашева, начавшуюся послѣ Санина и достигшую апогея въ повѣсти «У послѣдней черты».

Это полоса своеобразнаго нигилизма, полнаго отрицанія всего того, «чѣмъ люди живы».

Если бы я хотѣлъ изложить всего Арцыбашева на нѣсколькихъ страничкахъ, я привелъ бы «Преступленіе доктора Лурье».

городіе,—подтвердилъ Иванъ, затѣмъ подумалъ, снялъ шапку, истово крестясь, и

ъ нить вдох-
Хищный ка-

Въ заключеніе, В. И. Шевелкинъ предлагаетъ принять резолюцію:

1) Съѣздъ представляетъ министру юстиціи о необходимости устроить особыя помѣщенія для малолѣтнихъ, хотя бы при губернскихъ тюрьмахъ.

2) Съѣздъ сообщаетъ министру юстиціи о настоятельной необходимости устроить центральное исправительно-воспитательное заведеніе, которое замѣнитъ наказаніе для особо порочныхъ дѣтей.

3) Пожеланіе отъ имени съѣзда о необходимости учредить должность хотя бы одного попечителя на правительственный счетъ при каждомъ судѣ для малолѣтнихъ.

4) Въ арестныхъ домахъ на средства городовъ и земствъ должно [illegible] особое помѣщеніе для малолѣтнихъ.

5) Города обращаются съ просьбой ко всѣмъ обществамъ и патронатамъ о безотлагательномъ открытіи воспитательно-исправительныхъ пріютовъ для дѣтей.

Черная сотня у земскаго сундука.

Никто такъ выпукло и ярко не можетъ характеризовать черную сотню, какъ сама она въ тѣ частые случаи, когда члены этой темной организаціи начинаютъ укорять другъ друга въ различныхъ проступкахъ уголовнаго характера. Такъ, недавно «Русское Знамя» писало:

«Мы противъ всякой грязи и взаимныхъ обличеній. Но [illegible] между маргариновыми монархистами, не подѣлившими субсидій и завидующими получающему больше всѣхъ д. с. с. Пуришкевичу, полезны въ одномъ отношеніи: они вскрываютъ тайную подкладку всѣхъ этихъ искусственныхъ коалицій — деньги, деньги и... деньги! Они вскрываютъ роль [illegible] Восторгова, то отрекающагося отъ прошлаго, то снова открывающаго ему свои [illegible] объятія. Они раскрываютъ таинственную миссію Соколова въ Москвѣ и [illegible] (?) [illegible] д. с. с. Пуришкевича. Наконецъ, они раскрываютъ полный моральный крахъ Маркова 2-го, которому послѣ [illegible] (?!!) [illegible] — 500 р. ежемѣсячно... Но и тутъ глупая зависть къ д. с. с. Пуришкевичу, получающему гораздо больше, [illegible] «монархиста». Деньги ихъ соединили и деньги ихъ разъединяютъ. Деньги — единственная реальная сила маргариновыхъ монархистовъ, [illegible]»

Вотъ какъ сами себя рисуютъ «спасители отечества»!

[illegible]

Съ другой же стороны, листокъ настолько жалокъ, его «писатели» такъ убоги, что самое «писательство», вѣроятно, или совсѣмъ не оплачивается, или вознаграждается мѣдными грошами, такъ что главный расходъ падаетъ, должно-быть, на бумагу и на вознагражденіе редактора.

Если-бы «Русское Знамя» было объ этомъ освѣдомлено, то, нужно думать, воспылало бы еще большею завистью къ своему единомышленнику, сумѣвшему такъ ловко присосаться къ земскому сундуку.

И способъ то простой, напоминающій исторію Колумбова яйца.

Марковъ 2-й своихъ же союзниковъ, захватившихъ курское губернское земство, ежегодно «пугаетъ» «революціей».

Въ декабрѣ мѣсяцѣ каждаго года, во время очередного губернскаго земскаго собранія, какъ только рѣчь заходитъ о субсидіи «Курской Были», Марковъ 2-й тотчасъ же напоминаетъ о 1905 годѣ—и дѣло въ шляпѣ!

Какъ за всѣ прошлыя семь лѣтъ, и въ текущемъ восьмомъ году существованія «Курской Были» редакторъ послѣдней неизмѣнно повторяетъ: «революція близка! не пройдетъ и двухъ лѣтъ, какъ повторится 1905 годъ! И въ такое то время вы хотите отказать въ помощи врагамъ революціи»!

Курскихъ «зубровъ» отъ этихъ словъ пробираетъ дрожь, мурашки по тѣлу начинаютъ бѣгать и они отсылаютъ Маркову 2-му 12,000 руб., не соображая даже того, что восемь лѣтъ ихъ лидеръ обѣщаетъ революцію «черезъ два года» и вѣря, что «Курская Быль», хотя ее никто не читаетъ, спасетъ отъ революціи, вѣрятъ, какъ въ какой то амулетъ.

Когда старое курское земство насаждало школы и больницы, когда оно производило знаменитыя статистическія изслѣдованія, когда создавало культурно-экономическія организаціи, какъ агрономическія, сельско-хозяйственныя и т. д. и т. п., черная сотня, боявшаяся тогда показаться на свѣтъ Божій, клеветала, что «либералы зря расходуютъ народныя деньги».

А вотъ теперь, когда черная сотня, разрушивъ всю культурную работу былого, сломала земство и удитъ изъ сундука десятки тысячъ на никуда негодное предпріятіе, теперь они умалчиваютъ о «народной копейкѣ» и не щадятъ народнаго кармана.

И—нъ.

„Бабушка“ и газета.

Побѣгъ «бабушки» — Е. К. Брешко-Брешковской все еще продолжаетъ волновать общество. Благодаря этому, имя «бабушки» не сходитъ со столбцовъ столичныхъ и провинціальныхъ газетъ. И—Богъ ты мой—сколько во всѣхъ этихъ писаніяхъ [illegible]

[illegible]

такъ медленно (212 верстъ за три дня) вслѣдствіе дурного пути. Посмотрите, господа, на карту, прежде, чѣмъ печатать и перепечатывать такую ерунду! Отъ Киренска до Иркутска не 212, а *970* верстъ. Неужто такъ трудно было провѣрить? Состояніе дорогъ въ моментъ побѣга было всюду въ губерніи чудесное и бѣглецы мчались съ бѣшеной быстротой, дѣлая *свыше 300 верстъ въ сутки*.

Далѣе: относительно «кражи» телеграфныхъ проводовъ на Якутскомъ трактѣ. Да, провода были перерѣзаны, но телеграфная администрація утверждаетъ, что это произошло случайно, благодаря паденію большого дерева на проволоки, что очень часто бываетъ на таежныхъ линіяхъ. Слѣдовательно, предположеніе о «кражѣ» отпадаетъ, какъ неприличное и неправильное.

Говорилось еще, что «по закону» бабушкѣ угрожаетъ трехлѣтняя каторга. Это ложь, тѣмъ болѣе удивительная, что читалъ я ее въ газетахъ, въ редакціяхъ которыхъ сидятъ опытные юристы. Во-первыхъ, «бабушка», какъ человѣкъ, перешедшій 70-лѣтній возрастъ, не можетъ быть приговорена къ каторжнымъ работамъ, каковыя замѣняются въ такихъ случаяхъ или помѣщеніемъ въ особыя богадѣльни или ссылкой въ отдаленныя мѣста. Во-вторыхъ, каторга за побѣгъ назначается только въ томъ случаѣ, если бѣжавшій вышелъ изъ предѣловъ Азіатской Россіи. А «бабушка» была арестована не только въ предѣлахъ Сибири, но даже въ той самой Иркутской губ., куда она сослана. Мало того: законъ считаетъ побѣгомъ отсутствіе съ мѣста причисленія свыше мѣсяца. А бабушкино «отсутствіе» продолжалось только три дня. Это называется «самовольной отлучкой» и карается простымъ арестомъ. Если даже у «бабушки» признаютъ побѣгъ *внутри* Сибири, то и тогда наказаніе не можетъ превысить трехъ мѣсяцевъ тюрьмы. Конечно, администрація можетъ въ своемъ порядкѣ упечь «бабушку» на сѣверный полюсъ, но тогда уже нечего говорить о законѣ и строчить телеграммы сомнительнаго юридическаго достоинства.

О жизни «бабушки» въ ссылкѣ тоже фантазировалось не мало. Такъ, напримѣръ, сообщалось, что «бабушку» отправили въ Нижне-Илимскъ весною, а перевели въ Киренскъ осенью, по просьбѣ нижне-илимскаго пристава. Что ни слово, то выдумка. «Бабушку» привезли въ Нижне-Илимскъ въ августѣ 1910 г., а перевели въ Киренскъ черезъ *двѣ недѣли* и не по просьбѣ пристава, а по предписанію изъ Иркутска, такъ какъ тамъ убѣдились, что оставлять ее въ Нижне-Илимскѣ опасно: мѣстные крестьяне отказывались наниматься сторожить больную старуху, несмотря на соблазнъ 40-рублеваго жалованья.

Сообщеніе о грубости киренскихъ стражниковъ тоже выдумано: какъ стражники, такъ и вся киренская администрація относились къ «бабушкѣ» очень корректно, *но они обязаны были слѣдить у нея и ея гостей обыски*, такъ какъ этого требовали изъ Иркутска и Петербурга.

Удивительный разсказъ о бабушкиномъ огородѣ, былъ бы хорошъ, если бы его такъ не выдумали. Дѣйствительно, «бабушка» [illegible]

[illegible]

скѣ, но даже въ отдаленнѣйшихъ улусахъ, гдѣ и вся-то культура представлена одними граммофонами. Зачѣмъ же зря изображать Ленскій край въ такихъ дикихъ краскахъ, будто здѣсь и граммофоновъ никогда не видѣли?

Нелѣпо, наконецъ, и заявленіе «Новаго Времени», будто «бабушка» бѣжала для террористической работы. «Бабушкѣ» сейчасъ 72 года, она едва ходитъ и, говорятъ, иногда даже засыпаетъ среди разговора. Мыслима ли тутъ какая-нибудь «работа», а тѣмъ болѣе террористическая? Просто человѣкъ хотѣлъ уйти отъ тѣхъ невыносимыхъ условій, какія создала ему въ ссылкѣ попечительная полиція, державшая «бабушку» три года на положеніи домашняго ареста и непозволявшая никому оказать ей даже простую человѣческую помощь.

Въ связи съ побѣгомъ «бабушки» въ департаментѣ полиціи идутъ экстренныя совѣщанія. Предполагается выслать въ отдаленнѣйшія мѣста всѣхъ ссыльныхъ, заподозрѣнныхъ въ политической пропагандѣ, и вообще пересмотрѣть порядокъ надзора за ссыльными, съ цѣлью его усиленія.

Удивительная вещь: чуть что случится гдѣ-нибудь, хотя бы на южномъ полюсѣ, сейчасъ же виноваты оказываются ссыльные. Даже досадно дѣлается, что администрація такъ неизобрѣтательна въ поискахъ виновныхъ. И точно они не знаютъ, что разсылка ссыльныхъ въ «отдаленнѣйшія мѣста» только увеличитъ число побѣговъ. Пока разрѣшается свободное передвиженіе, пока живется сравнительно сносно—ссыльные молчатъ и охотно сидятъ на своихъ мѣстахъ, промышляя въ добываніи средствъ къ жизни. Но какъ только начинается «прижимка»—начинается и голодный протестъ и люди уходятъ, очертя голову, идутъ прямо въ тюрьму, лишь бы уйти отъ голода и одиночества.

«Прижать» ссыльныхъ не трудно: пара строгихъ циркуляровъ и дѣло въ шляпѣ. Но есть ли хоть какой-нибудь смыслъ въ этой прижимкѣ? Тысячи людей будутъ оторваны отъ заработка, опять начнется скитаніе по тюрьмамъ и этапамъ, опять будетъ нарастать утихнувшее озлобленіе. Неужели же ссыльные—люди особой породы, съ которыми можно дѣлать все, что угодно?

Дм. Илимскій.

I всероссійскій съѣздъ по народному образованію.

(Отъ нашего корреспондента).

1-й всероссійскій съѣздъ по вопросамъ народнаго образованія привлекъ болѣе 6000 участниковъ. Такого наплыва никто не ожидалъ, а потому устроители совершенно сбились съ ногъ. Въ справочномъ бюро [illegible]

[illegible]

Можно опасаться, что все вышеизложенное дастъ плохіе результаты отъ съѣзда, а между тѣмъ вопросы народнаго образованія самые у насъ злободневные.

Число участниковъ съѣзда все возрастаетъ. Собралось уже свыше 7000 чел. Настроеніе бодрое, но спокойное и дѣловое. Занятія въ секціяхъ идутъ оживленно, при переполненныхъ залахъ. Доклады слушаются жадно.

24-го декабря въ 1-й секціи заслушанъ рядъ докладовъ о положеніи начальной школы заграницей. Г-жа Янкулъ разсказывала о своихъ впечатлѣніяхъ объ американской школѣ, г. Микуевъ—объ Англіи, г-жа Бондаренко—о «единой болгарской школѣ», г. Знаменскій представилъ два доклада о начальной школѣ въ Германіи, членъ Гос. Думы И. С. Клюкевъ прочелъ обстоятельный докладъ о шведской школѣ.

2-я секція посвятила день вопросамъ совмѣстнаго обученія въ начальной школѣ. Г-жи Тихомірова и Урсинъ въ своихъ докладахъ высказались за совмѣстное обученіе мальчиковъ и дѣвочекъ въ народной школѣ всѣхъ типовъ. И всѣ ораторы согласились съ мнѣніемъ докладчицъ. Только одинъ г. Литвиновъ, учитель городской школы въ Петербургѣ, признавая желательность совмѣстнаго обученія, считалъ цѣлесообразнымъ воспретить такое обученіе въ періодъ полового созрѣванія дѣтей—для дѣвочекъ около 11 лѣтъ, мальчиковъ—14—15 лѣтъ. Предложеніе это не встрѣтило поддержки. Секція единогласно принимаетъ слѣдующую резолюцію: «Совмѣстное обученіе мальчиковъ и дѣвочекъ въ народной школѣ отвѣчаетъ взгляду народа, условіямъ и обычаямъ народной среды и вмѣстѣ съ тѣмъ отвѣчаетъ требованіямъ раціональной постановки обученія и воспитанія. Поэтому секція признаетъ совмѣстное обученіе въ начальной школѣ безусловно необходимымъ». Вопросъ о совмѣстномъ обученіи въ школѣ повышеннаго типа оставленъ открытымъ.

Въ 3-й секціи членъ Гос. Думы И. С. Клюкевъ говорилъ о недостаточной подготовкѣ народныхъ учителей, о необходимости улучшить правовое и экономическое положеніе учительскаго персонала. Ораторы говорили о рабскомъ положеніи народнаго учителя. Г. Саблеръ говорилъ:

— Всѣ хорошіе учителя были изгнаны изъ народной школы въ 1905 и послѣдующіе годы... За учителемъ слѣдятъ со всѣхъ сторонъ.

Въ комиссіи по инородческой школѣ докладчики Юдичъ, Чалый и Совалъ говорили о школахъ въ Малороссіи, гдѣ учатъ на непонятномъ языкѣ и искорѣняютъ дѣтскую душу.

— Насильственная русификація вредна.

— Школа безъ преподаванія на родномъ языкѣ мертва и бездѣльна.

Отмѣчали ораторы и то, что большинство учителей изъ украинскихъ губерній [illegible]

[illegible]

Докладчикъ увѣренъ, что въ Гос. Думѣ проектъ пройдетъ.

Членъ Гос. Думы Воронковъ не раздѣляетъ оптимизма И. С. Клюкева:

— Не Думѣ 3-го іюня реформировать школу.

Говорили и другіе ораторы:

— Никакимъ семинаріямъ не улучшить положенія сельскаго учителя, пока будетъ существовать административная опека.

— Всѣ попытки окажутся безплодными, пока учителя не соединятся въ общества и не будутъ представлять организованной силы.

Резолюція отложена до завтра.

Комиссія по вопросамъ о школахъ въ мѣстностяхъ съ инородческимъ населеніемъ заслушала рядъ докладовъ (гг. Черкасенко, Прокоповича, г-жи Королевичъ и др.) объ украинской школѣ.

Общій тонъ докладовъ:

— Съ введеніемъ принудительнаго обученія на русскомъ языкѣ грамотность въ малорусскихъ губерніяхъ падаетъ.

Пренія были очень бурныя. Въ результатѣ вынесена такая резолюція:

«Принимая во вниманіе недостатки постановки школьнаго преподаванія въ мѣстностяхъ съ преобладающимъ украинскимъ населеніемъ и недостижимость [illegible] цѣлей образовательныхъ и воспитательныхъ, а также принимая во вниманіе, что школа должна быть близкой и родной населенію и по языку и по всему своему укладу,—комиссія находитъ, что въ мѣстностяхъ съ преобладающимъ украинскимъ населеніемъ школьное преподаваніе должно вестись на украинскомъ языкѣ. Русскій же языкъ долженъ быть языкомъ предметомъ и изученіе его обязательно. Внѣшкольное образованіе также должно вестись на украинскомъ языкѣ. Библіотеки должны заключать въ себѣ и книги на украинскомъ языкѣ. Въ учительскихъ семинаріяхъ и институтахъ должно быть обращено вниманіе на подготовку учителей въ мѣстностяхъ съ украинскимъ населеніемъ, для чего слѣдуетъ ввести преподаваніе украинской литературы и исторіи».

Кризисъ негра Разу.

I.

Въ декабрьской книжкѣ журнала «Новая Жизнь» напечатанъ разсказъ Аркадія Аверченко [illegible] «Преступленіе доктора Дурьяна».

Это небольшой разсказъ въ 13 страницъ, [illegible]

[illegible]

Вотъ какъ сами себя рисуютъ, «спасители отечества»!

Представьте-же себѣ, если кто-либо изъ нихъ приладится къ какому-либо сундуку,—какіе должны быть результаты!

Чтобы не далеко ходить, возьмемъ того-же Маркова 2-го, которому, по словамъ его же единомышленниковъ, «осталось одно матеріальное утѣшеніе—500 руб. ежемѣсячныхъ».

«Русскому Знамени» или, вѣрнѣе, доктору Дубровину, вѣроятно, неизвѣстно еще, что, помимо «500 руб. ежемѣсячныхъ», Марковъ получаетъ ежегодно изъ сундука курскаго губернскаго земства по 12,000 руб.! За 8 лѣтъ, какъ сообщалъ этотъ нашъ корреспондентъ, это составитъ 96,000 руб.!

Мотивируются эти земскія ассигновки изданіемъ бездарнаго, полуграмотнаго листка «Курская Быль», столь «популярнаго» и «распространеннаго», что онъ совершенно не можетъ существовать безъ земской субсидіи.

Ежегодная выдача въ теченіе 8 лѣтъ все одной и той же суммы ясно показываетъ, что этотъ «органъ» не идетъ, что его приходится распространять насильно и безплатно.

Побѣгъ «бабушки» — Е. К. Брешко-Брешковской все еще продолжаетъ волновать общество. Благодаря этому, имя «бабушки» не сходитъ со столбцовъ столичныхъ и провинціальныхъ газетъ. И—Богъ ты мой—сколько во всѣхъ этихъ писаніяхъ самыхъ подлинныхъ басенъ, сколько безсовѣстныхъ выдумокъ, а иногда и наглой лжи! Вѣдь Сибирь и ссылка далеко отъ г.г. «собственныхъ корреспондентовъ» и хроникеровъ—они позволяютъ себѣ плести про нее всякія были и небылицы.

Я считаю своимъ долгомъ протестовать противъ небасенокъ, измышляемыхъ въ петербургскихъ редакціяхъ, и указать здѣсь на нѣсколько фактовъ, гдѣ россійскія газеты проявили возмутительную несвѣдомленность. Не буду называть здѣсь газетъ, ибо сообщенія «Дня», «Новаго Времени» и «Биржевки» перепечатали буквально всѣ газеты, слѣдовательно, всѣ онѣ отвѣтственны за сенсаціонную шумиху вокругъ имени «бабушки». Будемъ слѣдовать за хронологіей событій.

Было сообщеніе, что «бабушку» арестовали въ 200 верстахъ отъ Киренска и въ 12 в. отъ Иркутска и, что бѣглецы ѣхали

...рожить больную старуху, несмотря на соблазнъ 40-рублеваго жалованья.

Сообщеніе о грубости киренскихъ стражниковъ тоже выдумано: какъ стражники, такъ и вся киренская администрація относились къ «бабушкѣ» очень корректно, но они обязаны были дѣлать у нея и ея гостей обыски, такъ какъ этого требовали изъ Иркутска и Петербурга.

Умилительный разсказъ о бабушкиномъ огородѣ, былъ бы хорошъ, если бы его тоже не выдумали. Дѣйствительно, «бабушка» развела въ своемъ дворикѣ чудесный огородъ и цвѣтникъ. Но она не могла кормить своими овощами ссыльныхъ «всего края», ибо этотъ край, господа, тянется ровно на тысячу верстъ. Кромѣ того, слѣдуетъ замѣтить, что бабушкинъ огородъ не былъ новостью, такъ какъ гораздо сѣвернѣе Киренска, въ Ичерѣ, Витимѣ и Мухтуѣ, ссыльные давно уже разводятъ большіе промышленные огороды, а скопцы въ Якутской области, ухитряются даже выращивать особую породу арбузовъ.

Смѣшно также читать о томъ эффектѣ, какой будто бы произвелъ выписанный «бабушкой» граммофонъ. Граммофоны, и очень дорогіе, давно извѣстны не только въ Киренскѣ, Бодайбо, Олекминскѣ и Якут-

I всероссійскій съѣздъ по народному образованію.

(Отъ нашего корреспондента).

1-й всероссійскій съѣздъ по вопросамъ народнаго образованія привлекъ болѣе 6000 участниковъ. Такого наплыва никто не ожидалъ, а потому устроители совершенно сбились съ ногъ. Въ справочномъ бюро цѣлый адъ! Извольте-ка цѣлымъ тысячамъ народа выдавать все, что они требуютъ! Но, конечно, собравшіеся въ этомъ неповинны и ихъ испытанія совершенно незаслужены. А испытывать приходится очень много. Помимо всѣхъ неустройствъ, членамъ приходится дѣлать ужасающіе концы, потому-что секціи засѣдаютъ на громадныхъ одна отъ другой разстояніяхъ. Кто знаетъ Петербургъ, тотъ пойметъ, какія трудности надо преодолѣть, чтобы посѣщать, съ одной стороны, «Народный домъ Имп. Николая II-го», а съ другой,—технологическій институтъ, высшіе женскіе курсы, театръ Зона. Ни одинъ съѣздъ не былъ такъ разбросанъ, какъ 1-й всероссійскій по вопросамъ народнаго образованія.

...ворили о школахъ въ Малороссіи, гдѣ учатъ на непонятномъ языкѣ и коверкаютъ дѣтскую душу.

— Насильственная руссификація вредна.

— Школа безъ преподаванія на родномъ языкѣ мертва и безцѣльна.

Отмѣчали ораторы и то, что большинство учителей изъ украинскихъ губерній лишены были администраціей возможности пріѣхать на съѣздъ. Бурю протестовъ вызвало выступленіе г. Шахвердова въ пользу преподаванія исключительно на государственномъ языкѣ. Ораторъ вынужденъ былъ покинуть каѳедру.

26 декабря состоялось засѣданіе секціи по вопросамъ подготовки учителей начальныхъ школъ. Предсѣдательствовалъ членъ Гос. Думы Воронковъ. Другой членъ Гос. Думы, Клюжевъ, прочелъ докладъ объ учительскихъ семинаріяхъ по проекту совѣщанія Гос. Думы.

Семинаріи предположено устраивать въ сельскихъ мѣстностяхъ трехъ типовъ: мужскія, женскія и смѣшанныя. Программа преподаванія расширяется, расширяются и права оканчивающихъ семинаріи: имъ будутъ давать права оканчивающихъ среднія учебныя заведенія. Вводится автономія и т. д.

...вая Жизнь» напечатанъ разсказъ Арцыбашева «Преступленіе доктора Лурье».

Это небольшой разсказъ въ 13 страницъ, даже написанный безъ обычнаго для писателя мастерства и выразительности, но о немъ все же очень стоитъ поговорить поподробнѣе.

Дѣло въ томъ, что этотъ разсказъ есть, по моему глубокому убѣжденію, итогъ цѣлой и значительной полосы творчества нашего писателя, очень талантливаго, но, подобно слѣпому, искавшаго и не могущаго нащупать настоящую дорогу.

Самая конспективность разсказа, небрежность въ внѣшности его, показываетъ, что авторъ придавалъ ему программный смыслъ.

Разсказъ даже не кончаетъ, но резюмируетъ цѣлую эпоху творчества Арцыбашева, начавшуюся послѣ Санина и достигшую апогея въ повѣсти «У послѣдней черты».

Это полоса своеобразнаго нигилизма, полнаго отрицанія всего того, «чѣмъ люди живы».

Если бы я хотѣлъ изложить всего Арцыбашева на нѣсколькихъ страничкахъ, я привелъ бы «Преступленіе доктора Лурье».

Среди мховъ.

Разсказъ-очерки.

I.

— Такъ что, ваше благородіе, безпремѣнно теперь намъ крышка...

Въ какомъ ни былъ подавленномъ настроеніи духа Сергѣй Степановичъ, но при этихъ словахъ своего слуги не могъ удержаться отъ легкой улыбки.

— Какъ же все это произошло? Чего испугались наши погибшія лошади?—спросилъ онъ послѣ минутнаго молчанія.

— А кто ихъ знаетъ, ваше благородіе. Когда ты, ваше благородіе, пошелъ впередъ разсматривать мхи и всякую тутошнюю дрянь, я шелъ съ лошадьми сзади, не торопясь, потому торопиться было некуда. Вижу—мѣсто для привала подходящее: въ гору тундра полѣзла, березки да чахлый лозникъ растутъ, а подаль вотъ та самая сосна корячится. Остановилъ я лошадей, съ Красавчика сѣдло и багажъ снялъ—вдругъ заржали кони да подъ гору затрусили. А Красавчикъ точно балуется, задомъ подбросилъ, ногу пробовалъ. Ну, и мой Пятнистый отъ него не отступаетъ. Бѣгу я за ними, а они уже до осоки дотрусили и осока имъ выше колѣнъ зашла. Только вдругъ вижу я, какъ забьются лошадки, да въ сторону, какъ шарахнутся, а изъ-подъ самыхъ почитай копытъ ихъ чертовщина какая-то, точно большая птица, какъ вырвется! Понеслись лошади по тундрѣ да вотъ на трясное мѣсто и угодили.

Иванъ снялъ шапку и перекрестился.

— Жалостно было смотрѣть на нихъ. Красавчикъ сразу почти весь подъ разверзшійся мохъ ушелъ, а мой Пятнистый долго бился...

Они стояли на небольшомъ возвышеніи. Солнце уже уплыло за горизонтъ и сумерки приближались. Низовую тундру окуталъ густой клубящійся туманъ, упорно и деловито расползаясь надъ трясинными равнинами.

Надъ этимъ бѣлесоватымъ покровомъ то здѣсь, то тамъ на большомъ разстояніи одинъ отъ другого подымались островки низкорослыхъ, чахлыхъ хвойныхъ деревьевъ, умирающій кедръ подымалъ свою верхушку рядомъ съ уродливой, изломанной сосной, рѣдкія вѣтви которой напоминали съ вывороченными суставами руки калѣки.

— Что уцѣлѣло изъ нашего имущества?—спросилъ ботаникъ послѣ минутнаго молчанія.

— Ружье, патроны, сумка съ провизіей и дорожными вещами и... и все?—воскликнулъ онъ.

— Еще, ваше благородіе, фляга съ коньякомъ. Въ этомъ проклятомъ климатѣ безъ него безпремѣнно отъ хворобы потопнешь.

Сергѣй Степановичъ не слушалъ слугу. Нервнымъ движеніемъ онъ разбрасывалъ вещи, точно отыскивая что-то, и, не найдя, страшно взволновался.

— Негодный пьяница!—закричалъ онъ на Ивана.—Гдѣ моя коробка съ коллекціями растеній? Говори, пьяница, гдѣ коллекція?

— Коллекція?—спокойно переспросилъ Иванъ, привыкшій къ вспышкамъ характера своего барина,—это съ мохомъ разнымъ?

— Ну да, гдѣ она?

— Въ болотѣ. А я думалъ, ваше благородіе, ты о чемъ нибудь путномъ серчать изволишь.

— Да пойми ты,—нетерпѣливо воскликнулъ Сергѣй Степановичъ,—что въ коллекціи были новые, никому еще неизвѣстные сорта мха и лишайчиковъ—новой вкладъ въ науку.

Иванъ возразилъ съ чувствомъ глубокаго убѣжденія:

— Какая путевая наука станетъ заниматься всякою дрянью, мхами и лишаями... Тьфу!

Между тѣмъ бѣлая полярная жутконервирующая ночь вступала въ свои права.

II.

Собиратели коллекцій... Ботаники, зоологи, словомъ, ученые или вообще люди, обуреваемые жаждой знанія, стремящіеся внести свою незамѣтную для многихъ, но важную посильную лепту въ сокровищницу человѣческаго знанія.

Подъ внѣшней оболочкой чиновника, промышленника или просто охотника проникаютъ они въ малоизслѣдованные, глухіе уголки Сибири, въ непривѣтливыя равнины Турухана или Колымскаго края, подымаются въ далекія сѣверныя точки забытаго, кажется, и Богомъ и людьми Якутскаго края.

Со стоицизмомъ и выносливостью истинныхъ спортсменовъ, въ благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова, они нерѣдко подвергаются жестокимъ опасностямъ, ставя порою на карту даже свою жизнь. И подъ натискомъ этихъ смѣльчаковъ все шире и шире развертывается предъ нами горизонтъ познаванія отдаленнѣйшихъ уголковъ нашего обширнаго отечества.

Въ академіяхъ, музеяхъ и научныхъ кабинетахъ Россіи и заграницы въ то же время начинаютъ появляться новые образчики флоры и фауны далекаго сѣвера, появляются и священныя для ученаго реликвіи давно ушедшихъ временъ, говорящія вамъ и съ бытовой и исторической стороны о той другой жизни, которая въ сѣдомъ прошломъ оживляла эти нынѣ угрюмыя, большую часть года покрытыя дѣвственными снѣгами равнины.

Въ каталогахъ этихъ музеевъ посѣтители на ряду съ названіями глубоко интересныхъ и часто неожиданныхъ экспонатовъ могутъ прочесть имя того, кто цѣною огромныхъ трудовъ доставилъ въ музей эту рѣдкость. Къ числу такихъ спортсменовъ науки принадлежалъ и Сергѣй Степановичъ...

Когда день смѣнилъ лѣтнюю бѣлую ночь и солнце окончательно спугнуло ночной туманъ, который трусливо зашевелился, пополз разорванными пятнами и постепенно растаялъ, наши путешественники оставили позади себя невысокій холмистый гребень и пошли низиной.

Невеселая картина вокругъ. Куда только уходилъ взглядъ, всюду унылая, гладкая, какъ скатерть, бурая равнина, покрытая однообразными мхами. Поверхъ этого нерадующаго глазъ покрова уныло притаились хилые, одинокіе кустарнички, вороньи ягоды, багульникъ, кассіопея, тутъ же зеленѣла мѣстами сбивающаяся въ группки клюква и морошка.

Точно гигантскія заплаты, на этомъ буро-зеленѣющемъ коврѣ выдѣлялись площади, захваченныя осокой, и тутъ же примыкали къ ней убогія формы нѣкоторыхъ болотныхъ растеній. Выглядывали желтенькіе лютики, камнеломка, пушица, а далѣе, точно умирающіе въ суровомъ климатѣ, не располагающемъ къ поэзіи любви, разбѣжались по небольшой площадкѣ сѣроватыя полярныя незабудки.

Изрѣдка попадались ботанику и его слугѣ группы низкорослыхъ деревьевъ. На этой непривѣтливой мерзлой почвѣ они всѣмъ существомъ своимъ и убогимъ корявымъ видомъ говорятъ вамъ о своей смертельной тоскѣ и жаждѣ тепла, свѣта, долгаго лѣта и манящей весны. Уродливыя ивы, карликовыя березки, осины.

Но и эти унылыя равнины имѣли своихъ обитателей: и тундра, и блѣдно-голубѣющая высь надъ нею были полны своеобразной жизнью, шумѣли своимъ шумомъ, откликались своими голосами. Въ буромъ моховомъ покровѣ виднѣлись входики въ норки пеструшки, и самъ красивый, пятнистый, коричнево-желтый звѣрекъ недовольнымъ хрюканьемъ и тревожнымъ пискомъ встрѣчалъ приближеніе путниковъ. Не разъ путники спугивали и болѣе крупнаго звѣря, и мирно пасшагося сѣвернаго оленя, и притаившагося въ рытвинахъ и углубленіяхъ хищнаго песца, сидящаго тамъ на стражѣ: не подвернется ли какой зуекъ, или бѣлая куропатка.

Съ виду мертвая и мрачная, тундра жила, говорила и пѣла. Притаившись въ низкорослыхъ травахъ, пѣлъ свою мелодичную пѣсню рогатый жаворонокъ; утопая въ мглистой лазури свиститъ и звенитъ пуночка. Вдругъ рѣзкій пронзительно-жалобный крикъ обрываетъ нить вдохновенія пернатаго пѣвца. Хищный канюкъ, завидѣвъ людей, падаетъ стремглавъ внизъ съ той высоты, гдѣ онъ описывалъ гордые круги. Надъ самыми головами путниковъ пролетаетъ онъ планирующимъ полетомъ и начинаетъ описывать круги надъ ихъ головами, точно дивится причинѣ ихъ прихода. Снова онъ испускаетъ громкій жалобный крикъ и вдругъ взвивается вверхъ, исчезаетъ вдали.

Наступаетъ третій день пути Сергѣя Степановича. Погода пасмурная, туманная. Нѣтъ солнца, которое дало бы возможность провѣрить принятое путниками направленіе! Время идетъ, выходитъ оставшаяся провизія.

Великолѣпный хронометръ Сергѣя Степановича показывалъ около 12, когда Иванъ судорожно схватилъ ботаника за рукавъ:

— Ваше благородіе, изволь взглянуть!

— Что, что такое?

— Такъ что, ваше благородіе, людей не видать, а однѣ юрты. Наша дорога прямехонько къ нимъ лежитъ.

Прямо противъ нихъ на довольно обширной площадкѣ раскинулось десятка три странной формы не то землянокъ, не то юртъ съ закругленными верхушками. Они еще не дошли до заинтересовавшей ихъ площадки, какъ Сергѣй Степановичъ уже понялъ, въ чемъ дѣло.

— Болотныя кочки!—проговорилъ онъ съ разочарованіемъ.—Просто болотныя кочки тундры.

Иванъ посмотрѣлъ на барина съ нескрываемой насмѣшкой:

— Что ты, что ты, ваше благородіе, да гдѣ ты такія кочки болотныя видѣлъ?

Но это было такъ. Черезъ часъ и Иванъ долженъ былъ сознаться въ этомъ. Они стояли около первой изъ исполинскихъ кочекъ, покрытой мохомъ, поверхъ котораго полѣзли вверхъ обычныя для тундры травы и ягодные кустарнички. Прислонясь къ этой саженной вышины кочкѣ, ботаникъ задумался.

— Слушай, дружище, мы сбились съ пути!—проговорилъ онъ, наконецъ, обращаясь къ слугѣ.

— Надо полагать, что такъ, ваше благородіе,—подтвердилъ Иванъ, затѣмъ подумалъ, снялъ шапку, истово крестясь, и полѣзъ на кочку, съ верхушки которой вскорѣ донесся его богатырскій храпъ.

— Нельзя сказать, чтобы спать на кочкахъ этихъ было особенно удобно,—подумалъ ботаникъ. Самъ онъ заснуть не могъ. Когда часа черезъ три они снова собрались выступать въ путь, ботаникъ махнулъ рукою въ сторону отъ кочковатой тундры.

— Думается мнѣ, что тамъ рѣка.

Небо попрежнему было обложено желтовато-свинцовымъ покровомъ. Въ притаившейся тиши однако и уныло звучалъ нѣжный посвистъ подорожника: тью... тью...

III.

Почва дѣлалась суше. Болотистую моховую тундру мѣстами смѣнялъ уже песокъ, мѣстами глина, поверхъ которыхъ полз подернутый зеленью пепельный покровъ оленьяго и исландскаго лишайника. Хотя растительность дѣлалась еще бѣднѣе, чѣмъ была, и лишь кое-гдѣ видали одинокая голубика, клюква, морошка, багульникъ и вороньи ягоды, но на душѣ у ботаника и его слуги дѣлалось свѣтлѣе. Расходилась и погода. Сквозь свинцовую расползающуюся завѣсу неба нѣтъ—нѣтъ да и проскользнетъ радостный лучъ солнца. Дулъ довольно сильный, но не холодный вѣтеръ.

На пятый день блѣдно-голубое, точно выцвѣтшее, небо начало очищаться отъ тучъ.

— Никакъ вдали лѣсной островокъ виднѣется.

— Такъ и есть,—подтвердилъ Иванъ.—А тамъ какъ будто [illegible].

Лѣсокъ, пріютившійся у небольшого холмика, имѣлъ убогій, чахлый и странный видъ. Большинство деревьевъ были уродливыя, плохо растущія, съ черными обсохшими стволами. Такіе же черные, точно обуглившіеся, они свѣшивались въ лишайникахъ, а около валялись гніющіе стволы лиственницы, ели и сухія, обломанныя вѣтви.

— Умираетъ лѣсокъ, глушитъ его тундра,—пробормоталъ ботаникъ.

Въ заключеніе, В. И. Шевелкинъ предлагаетъ принять резолюцію:

1) Съѣздъ представляетъ министру юстиціи о необходимости устроить особыя помѣщенія для малолѣтнихъ, хотя бы при губернскихъ тюрьмахъ.

2) Съѣздъ сообщаетъ министру юстиціи о настоятельной необходимости устроить центральное исправительно-воспитательное заведеніе, которое замѣнитъ наказаніе для особо испорченныхъ дѣтей.

3) Пожеланіе отъ имени съѣзда о необходимости утвердить должность хотя бы одного попечителя на правительственный счетъ при каждомъ судѣ для малолѣтнихъ.

4) Въ арестныхъ домахъ на средства городовъ и земствъ должно развиваться особое попеченіе для малолѣтнихъ.

5) Города обращаются съ просьбой ко всѣмъ обществамъ и патронатамъ о безотлагательномъ открытіи воспитательно-исправительныхъ пріютовъ для дѣтей.

Черная сотня у земскаго сундука.

Никто такъ выпукло и ярко не можетъ характеризовать черную сотню, какъ сама она въ тѣ частые случаи, когда члены этой темной организаціи начинаютъ укорять другъ друга въ различныхъ проступкахъ уголовнаго характера. Такъ, недавно «Русское Знамя» писало:

«Мы противъ всякой грызни и взаимныхъ обличеній. Но нелады между маргариновыми монархистами, не подѣлившими субсидій и завидующими получающему больше всѣхъ д. с. с. Пуришкевичу, полезны въ одномъ отношеніи: они вскрываютъ тайную подоплеку всѣхъ этихъ закулисныхъ махинацій—деньги, деньги и... деньги! Они вскрываютъ роль протоіерея Восторгова, то отрекающагося отъ правыхъ, то снова открывающаго имъ свои іудины объятія. Они раскрываютъ таинственную миссію Соколова въ Москвѣ и причину подкопа басковцевъ (?) подъ д. с. с. Пуришкевича. Наконецъ, они раскрываютъ полный моральный крахъ Маркова 2-го, которому послѣ принесеннаго премьеру извиненія за нанесенное съ пьяныхъ глазъ (?!!) оскорбленіе осталось одно матеріальное утѣшеніе—500 р. ежемѣсячныхъ... Но и тутъ глупая зависть къ д. с. с. Пуришкевичу, получившему гораздо больше, и хочется спихнуть счастливаго «сотоварища». Деньги ихъ соединили и деньги ихъ разъединяютъ. Деньги—единственная реальная сила маргариновыхъ монархистовъ, но они же—и ихъ слабость»!

Вотъ какъ сами себя рисуютъ, «спасители отечества»!

Представьте-же себѣ, если кто-либо изъ нихъ приладится къ какому-либо сундуку,—каковы должны быть результаты!

Чтобы не далеко ходить, возьмемъ того-же Маркова 2-го, которому, по словамъ его же единомышленниковъ, «осталось одно матеріальное утѣшеніе—500 руб. ежемѣсячныхъ».

«Русскому Знамени» или, вѣрнѣе, доктору Дубровину, вѣроятно, неизвѣстно еще, что, помимо «500 руб. ежемѣсячныхъ», Марковъ получаетъ ежегодно изъ сундука курскаго губернскаго земства по 12,000 руб.! За 8 лѣтъ, какъ сообщилъ вчера нашъ корреспондентъ, это составитъ 96,000 руб.!

Мотивируются эти земскія ассигновки изданіемъ бездарнаго, полуграмотнаго листка «Курская Быль», столь «популярнаго» и «распространеннаго», что онъ совершенно не можетъ существовать безъ земской субсидіи.

Ежегодная выдача въ теченіе 8 лѣтъ все одной и той же суммы ясно показываетъ, что этотъ «органъ» не идетъ, что его приходится распространять насильно и безплатно.

Съ другой же стороны, листокъ настолько жалокъ, его «писатели» такъ убоги, что самое «писательство», вѣроятно, или вовсе не оплачивается, или вознаграждается мѣдными грошами, такъ что главный расходъ падаетъ, должно-быть, на бумагу и на вознагражденіе редактора.

Если-бы «Русское Знамя» было объ этомъ освѣдомлено, то, нужно думать, воспылало бы еще большею завистью къ своему единомышленнику, сумѣвшему такъ ловко присосаться къ земскому сундуку.

И способъ то простой, напоминающій исторію Колумбова яйца.

Марковъ 2-й своихъ же союзниковъ, захватившихъ курское губернское земство, ежегодно «пугаетъ» «революціей».

Въ декабрѣ мѣсяцѣ каждаго года, во время очередного губернскаго земскаго собранія, какъ только рѣчь заходитъ о субсидіи «Курской Были», Марковъ 2-й тотчасъ же напоминаетъ о 1905 годѣ—и дѣло въ шляпѣ!

Какъ за всѣ прошлыя семь лѣтъ, и въ текущемъ восьмомъ году существованія «Курской Были» редакторъ послѣдней неизмѣнно повторяетъ: «революція близка! не пройдетъ и двухъ лѣтъ, какъ повторится 1905 годъ! И въ такое то время вы хотите отказать въ помощи врагамъ революціи»!

Курскихъ «зубровъ» отъ этихъ словъ пробираетъ дрожь, мурашки по тѣлу начинаютъ бѣгать и они отсыпаютъ Маркову 2-му 12,000 руб., не соображая даже того, что восемь лѣтъ ихъ лидеръ обѣщаетъ революцію «черезъ два года» и вѣря, что «Курская Быль», хотя ее никто не читаетъ, спасетъ отъ революціи, вѣрятъ, какъ въ какой то амулетъ.

Когда старое курское земство насаждало школы и больницы, когда оно производило знаменитыя статистическія изслѣдованія, когда создавало культурно-экономическія организаціи, какъ агрономическія, сельско-хозяйственныя и т. д., и т. п., черная сотня, боявшаяся тогда показаться на свѣтъ Божій, клеветала, что «либералы зря расходуютъ народныя деньги».

А вотъ теперь, когда черная сотня, разрушивъ всю культурную работу былого, сломила земство и удитъ изъ сундука десятки тысячъ на никуда негодное предпріятіе, теперь они умалчиваютъ о «народной копейкѣ» и не щадятъ народнаго кармана.

И—нъ.

„Бабушка" и газета.

Побѣгъ «бабушки» — Е. К. Брешко-Брешковской все еще продолжаетъ волновать общество. Благодаря этому, имя «бабушки» не сходитъ со столбцовъ столичныхъ и провинціальныхъ газетъ. И—Богъ ты мой—сколько во всѣхъ этихъ писаніяхъ самыхъ подлинныхъ басенъ, сколько беззастѣнчивыхъ выдумокъ, а иногда и наглой лжи! Благо Сибирь и ссылка далеко отъ г.г. «собственныхъ корреспондентовъ» и хроникеровъ—они позволяютъ себѣ плести про нее всякія были и небылицы.

Я считаю своимъ долгомъ протестовать противъ побасенокъ, измышляемыхъ въ петербургскихъ редакціяхъ, и указать здѣсь на нѣсколько фактовъ, гдѣ россійскія газеты проявили возмутительную неосвѣдомленность. Не буду называть здѣсь газетъ, ибо сообщенія «Дня», «Новаго Времени» и «Биржевки» перепечатали буквально всѣ газеты, слѣдовательно, всѣ онѣ отвѣтственны за свистопляску вокругъ имени «бабушки». Будемъ слѣдовать за хронологіей событій.

Было сообщеніе, что «бабушку» арестовали въ 200 верстахъ отъ Киренска и въ 12 в. отъ Иркутска и, что бѣглецы ѣхали такъ медленно (212 верстъ за три дня) вслѣдствіе дурного пути. Посмотрите, господа, на карту, прежде, чѣмъ печатать и перепечатывать такую ерунду! Отъ Киренска до Иркутска не 212, а 970 верстъ. Неужто такъ трудно было провѣрить? Состояніе дорогъ въ моментъ побѣга было всюду въ губерніи чудесное и бѣглецы мчались съ бѣшеной быстротой, дѣлая *свыше 300 верстъ въ сутки*.

Далѣе: относительно «кражи» телеграфныхъ проводовъ на Якутскомъ трактѣ. Да, провода были перерѣзаны, но телеграфная администрація утверждаетъ, что это произошло случайно, благодаря паденію большого дерева на проволоки, что очень часто бываетъ на таежныхъ линіяхъ. Слѣдовательно, предположеніе о «кражѣ» отпадаетъ, какъ неприличное и неправильное.

Говорилось еще, что «по закону» бабушкѣ угрожаетъ трехлѣтняя каторга. Это ложь, тѣмъ болѣе удивительная, что читалъ я ее въ газетахъ, въ редакціяхъ которыхъ сидятъ опытные юристы. Во-первыхъ, «бабушка», какъ человѣкъ, перешедшій 70-лѣтній возрастъ, не можетъ быть приговорена къ каторжнымъ работамъ, каковыя замѣняются въ такихъ случаяхъ или помѣщеніемъ въ особыя богадѣльни или ссылкой въ отдаленныя мѣста. Во-вторыхъ, каторга за побѣгъ назначается только въ томъ случаѣ, если бѣжавшій вышелъ изъ предѣловъ Азіатской Россіи. А «бабушка» была арестована не только въ предѣлахъ Сибири, но даже въ той самой Иркутской губ., куда она сослана. Мало того: законъ считаетъ побѣгомъ отсутствіе съ мѣста причисленія свыше мѣсяца. А бабушкино «отсутствіе» продолжалось только три дня. Это называется «самовольной отлучкой» и карается простымъ арестомъ. Если даже у «бабушки» признаютъ побѣгъ *внутри* Сибири, то и тогда наказаніе не можетъ превысить трехъ мѣсяцевъ тюрьмы. Конечно, администрація можетъ въ своемъ порядкѣ упечь «бабушку» на сѣверный полюсъ, но тогда уже нечего говорить о законѣ и строчить телеграммы сомнительнаго юридическаго достоинства.

О жизни «бабушки» въ ссылкѣ тоже фантазировалось не мало. Такъ, напримѣръ, сообщалось, что «бабушку» отправили въ Нижне-Илимскъ весною, а перевели въ Киренскъ осенью, по просьбѣ нижне-илимскаго пристава. Что ни слово, то выдумка. «Бабушку» привезли въ Нижне-Илимскъ въ августѣ 1910 г., а перевели въ Киренскъ *черезъ двѣ недѣли* и не по просьбѣ пристава, а по предписанію изъ Иркутска, такъ какъ тамъ убѣдились, что оставлять ее въ Нижне-Илимскѣ опасно: мѣстные крестьяне отказывались наниматься сторожить больную старуху, несмотря на соблазнъ 40-рублеваго жалованья.

Сообщеніе о грубости киренскихъ стражниковъ тоже выдумано: какъ стражники, такъ и вся киренская администрація относились къ «бабушкѣ» очень корректно, но они *обязаны* были дѣлать у нея и ея гостей обыски, такъ какъ этого требовали изъ Иркутска и Петербурга.

Умилительный разсказъ о бабушкиномъ огородѣ, былъ бы хорошъ, если бы его тоже не выдумали. Дѣйствительно, «бабушка» развела въ своемъ дворикѣ чудесный огородъ и цвѣтникъ. Но она не могла кормить своими овощами ссыльныхъ «всего края», ибо этотъ край, господа, тянется ровно на тысячу верстъ. Кромѣ того, слѣдуетъ замѣтить, что бабушкинъ огородъ не былъ новостью, такъ какъ гораздо сѣвернѣе Киренска, въ Ичерѣ, Витимѣ и Мухтуѣ, ссыльные давно уже разводятъ большіе промышленные огороды, а ссыльцы въ Якутской области, ухитряются даже выращивать особую породу арбузовъ.

Смѣшно также читать о томъ эффектѣ, какой будто бы произвелъ выписанный «бабушкой» граммофонъ. Граммофоны, и очень дорогіе, давно извѣстны не только въ Киренскѣ, Бодайбо, Олекминскѣ и Якутскѣ, но даже въ отда...
гдѣ и вся-то культу...
ми граммофонами. За...
жать Ленскій край и...
скахъ, будто здѣсь и...
да не видѣли?

Недѣю, наконецъ, ...
Времени», будто «б...
террористической ра...
часъ 72 года, она ...
рять, иногда даже ...
говора. Мыслима л...
«работа», а тѣмъ бо...
Просто человѣкъ х...
невыносимыхъ усло...
въ ссылкѣ попечи...
жавшая «бабушку» ...
домашняго ареста и...
оказать ей даже ...
помощь.

Въ связи съ по...
департаментѣ поли...
совѣщанія. Предпол...
даленнѣйшія мѣста...
подозрѣнныхъ въ ...
дѣ, и вообще пере...
зора за ссыльными...
нія.

Удивительная в...
гдѣ-нибудь, хотя ...
сейчасъ же винова...
ные. Даже досадн...
страція такъ неизо...
виновныхъ. И то...
разсылка ссыльны...
мѣста» только ув...
Пока разрѣшается...
пока живется срав...
ные молчать и о...
мѣстахъ, промышл...
къ жизни. Но ка...
«прижимка»—нач...
тестъ и люди у...
идутъ прямо въ т...
голода и одиночес...

«Прижать» сс...
строгихъ циркул...
Но есть ли хоть ...
этой прижимкѣ? ...
оторваны отъ за...
скитаніе по тюр...
будетъ нарастать...
Неужели же ссы...
ды, съ которыми...
угодно?

I всероссій... народно...

(Отъ на...

1-й всеросс...
народнаго образо...
участниковъ. Т...
ожидалъ, а пот...
обились съ ного...
лый адъ! Изв...
народа выдава...
Но, конечно, с...
вины и ихъ н...
служены. А не...
мало. Помимо ...
намъ приходится...
потому-что сезо...
ныхъ одна отъ...
знаетъ Петербур...
трудности ...
щать, съ одной ...
Имп. Николая Н...
логическій инст...
курсы, театръ З...
былъ такъ разб...
сійскій по вопро...

212 верстъ за три дня)
...го пути. Посмотрите, го-
... прежде, чѣмъ печатать
... такую ерунду! Отъ Ки-
...ка не 212, а *970* верстъ.
...дно было провѣрить? Со-
...ъ моментъ побѣга было
...ніи чудесное и бѣглецы
...ной быстротой, дѣлая сы-
...ъ сутки.
...ельно «кражи» телеграф-
...на Якутскомъ трактѣ. Да,
...ерѣзаны, но телеграфная
...верждаетъ, что это про-
... благодаря паденію боль-
...роволоки, что очень часто
...ныхъ линіяхъ. Слѣдова-
...ніе о «кражѣ» отпадаетъ,
... и неправильное.
..., что «по закону» бабуш-
...ехлѣтняя каторга. Это
...удивительная, что читалъ
... въ редакціяхъ которыхъ
...ристы. Во-первыхъ, «ба-
...ловѣкъ, перешедшій 70-
...е можетъ быть пригово-
...ымъ работамъ, каковыя
...акихъ случаяхъ или по-
...обыя богадѣльни или
...нныя мѣста. Во-вторыхъ,
... назначается только въ
... бѣжавшій вышелъ изъ
...ой Россіи. А «бабушка»
...не только въ предѣлахъ
...въ той самой Иркутской
...слана. Мало того: законъ
...ъ отсутствіе съ мѣста
...е мѣсяца. А бабушкино
...лжалось только три дня.
...самовольной отлучкой» и
...ъ арестомъ. Если даже у
...ютъ побѣгъ *внутри* Си-
...наказаніе не можетъ пре-
...сяцевъ тюрьмы. Конечно,
...жетъ въ своемъ порядкѣ
... на сѣверный полюсъ, но
...говорить о законѣ и стро-
... сомнительнаго юридиче-

...ушки» въ ссылкѣ тоже
...е мало. Такъ, напримѣръ,
...«бабушку» отправили въ
...еснаю, а перевели въ Ки-
... просьбѣ нижне-илимска-
... ни слово, то выдумка.
...али въ Нижне-Илимскъ
... г., а перевели въ Ки-
...ь *недѣли* и не по просьбѣ
...едписанію изъ Иркутска,
...убѣдились, что оставлять
...мскѣ опасно: мѣстные
...вались наниматься сто-
...таруху, несмотря на себ-
...о жалованья.
...бости киренскихъ страж-
...умно: какъ стражники,
...ская администрація отно-
...кѣ» очень корректно, по
... дѣлать у нея и ея гостей
...къ этого требовали изъ
...бурга.
... *разсказъ о бабушкиномъ*
...ы хорошъ, если бы его
... Дѣйствительно, «бабуш-
...воемъ дворикѣ чудесный
...къ. Но она не могла кор-
...щами ссыльныхъ «всего
... край, господа, тянется
... верстъ. Кромѣ того, слѣ-
... что бабушкинъ огородъ
..., такъ какъ гораздо сѣ-
..., въ Ичерѣ, Витимѣ и
...е давно уже разводятъ
...енные огороды, а скоп-
...бласти, ухитряются даже
... породу арбузовъ.
... читать о томъ эффектѣ,
... произвелъ выписанный
...мофонъ. Граммофоны, и
...вно извѣстны не только
...айбо, Олекминскѣ и Якут-

скѣ, но даже въ отдаленнѣйшихъ улусахъ, гдѣ и вся-то культура представлена одними граммофонами. Зачѣмъ же зря изображать Ленскій край въ такихъ дикихъ краскахъ, будто здѣсь и граммофоновъ никогда не видѣли?

Нелѣпо, наконецъ, и заявленіе «Новаго Времени», будто «бабушка» бѣжала для террористической работы. «Бабушкѣ» сейчасъ 72 года, она едва ходитъ и, говорятъ, иногда даже засыпаетъ среди разговора. Мыслима ли тутъ какая-нибудь «работа», а тѣмъ болѣе террористическая? Просто человѣкъ хотѣлъ уйти отъ тѣхъ невыносимыхъ условій, какія создала ему въ ссылкѣ попечительная полиція, державшая «бабушку» три года на положеніи домашняго ареста и непозволявшая никому оказать ей даже простую человѣческую помощь.

Въ связи съ побѣгомъ «бабушки» въ департаментѣ полиціи идутъ экстренныя совѣщанія. Предполагается выслать въ отдаленнѣйшія мѣста всѣхъ ссыльныхъ, заподозрѣнныхъ въ политической пропагандѣ, и вообще пересмотрѣть порядокъ надзора за ссыльными, съ цѣлью его усиленія.

Удивительная вещь: чуть что случится гдѣ-нибудь, хотя бы на южномъ полюсѣ, сейчасъ же виноваты оказываются ссыльные. Даже досадно дѣлается, что администрація такъ неизобрѣтательна въ поискахъ виновныхъ. И точно они не знаютъ, что разсылка ссыльныхъ въ «отдаленнѣйшія мѣста» только увеличитъ число побѣговъ. Пока разрѣшается свободное передвиженіе, пока живется сравнительно сносно—ссыльные молчатъ и охотно сидятъ на своихъ мѣстахъ, промышляя въ добываніи средствъ къ жизни. Но какъ только начинается «прижимка»—начинается и голодный протестъ и люди уходятъ, очертя голову, идутъ прямо въ тюрьму, лишь бы уйти отъ голода и одиночества.

«Прижать» ссыльныхъ не трудно: пара строгихъ циркуляровъ и дѣло въ шляпѣ. Но есть ли хоть какой-нибудь смыслъ въ этой прижимкѣ? Тысячи людей будутъ оторваны отъ заработка, опять начнется скитаніе по тюрьмамъ и этапамъ, опять будетъ нарастать утихнувшее озлобленіе. Неужели же ссыльные—люди особой породы, съ которыми можно дѣлать все, что угодно?

Дм. Илимскій.

I всероссійскій съѣздъ по народному образованію.

(Отъ нашего корреспондента).

1-й всероссійскій съѣздъ по вопросамъ народнаго образованія привлекъ болѣе 6000 *участниковъ. Такого наплыва* никто не ожидалъ, а потому устроители совершенно сбились съ ногъ. Въ справочномъ бюро цѣлый адъ! Извольте-ка цѣлымъ тысячамъ народа выдавать все, что они требуютъ! Но, конечно, собравшіеся въ этомъ неповинны и ихъ испытанія совершенно незаслужены. А испытывать приходится очень много. Помимо всѣхъ неустройствъ, членамъ приходится дѣлать ужасающіе концы, потому-что секціи засѣдаютъ на громадныхъ одна отъ другой разстояніяхъ. Кто знаетъ Петербургъ, тотъ пойметъ, какія трудности надо преодолѣть, чтобы посѣщать, съ одной стороны, «Народный домъ Имп. Николая II-го», а съ другой,—технологическій институтъ, высшіе женскіе курсы, театръ Зона. Ни одинъ съѣздъ не былъ такъ разбросанъ, какъ 1-й всероссійскій по вопросамъ народнаго образованія.

Можно опасаться, что все вышеизложенное дастъ плохіе результаты отъ съѣзда, а между тѣмъ вопросы народнаго образованія самые у насъ злободневные.

Число участниковъ съѣзда все возрастаетъ. Собралось уже свыше 7000 чел. Настроеніе бодрое, но спокойное и дѣловое. Занятія въ секціяхъ идутъ оживленно, при переполненныхъ залахъ. Доклады слушаются жадно.

24-го декабря въ 1-й секціи заслушанъ рядъ докладовъ о положеніи начальной школы заграницей. Г-жа Янжулъ разсказывала о своихъ впечатлѣніяхъ объ американской школѣ, г. Мижуевъ—объ Англіи, г-жа Бондаренко—о «единой болгарской школѣ», г. Знаменскій представилъ два доклада о начальной школѣ въ Германіи, членъ Гос. Думы И. С. Клюжевъ прочелъ обстоятельный докладъ о шведской школѣ.

2-я секція посвятила день вопросамъ совмѣстнаго обученія въ начальной школѣ. Г-жи Тихомирова и Урсинъ въ своихъ докладахъ высказались за совмѣстное обученіе мальчиковъ и дѣвочекъ въ народной школѣ всѣхъ типовъ. И всѣ ораторы согласились съ мнѣніемъ докладчицъ. Только одинъ г. Лигвиновъ, учитель городской школы въ Петербургѣ, признавая желательность совмѣстнаго обученія, считалъ цѣлесообразнымъ воспретить такое обученіе въ періодъ полового созрѣванія дѣтей—для дѣвочекъ около 11 лѣтъ, мальчиковъ—14—15 лѣтъ. Предложеніе это не встрѣтило поддержки. Секція единогласно принимаетъ слѣдующую резолюцію: «Совмѣстное обученіе мальчиковъ и дѣвочекъ въ народной школѣ отвѣчаетъ взгляду народа, условіямъ и обычаямъ народной среды и вмѣстѣ съ тѣмъ отвѣчаетъ требованіямъ раціональной постановки обученія и воспитанія. Поэтому секція признаетъ совмѣстное обученіе въ начальной школѣ безусловно необходимымъ». Вопросъ о совмѣстномъ обученіи въ школѣ повышеннаго типа оставленъ открытымъ.

Въ 3-й секціи членъ Гос. Думы И. С. Клюжевъ говорилъ о недостаточной подготовкѣ народныхъ учителей, о необходимости улучшить правовое и экономическое положеніе учительскаго персонала. Ораторы говорили о рабскомъ положеніи народнаго учителя. Г. Саблеръ говоритъ:

— Всѣ хорошіе учителя были изгнаны изъ народной школы въ 1905 и послѣдующіе годы... За учителемъ слѣдятъ со всѣхъ сторонъ.

Въ комиссіи по инородческой школѣ докладчики Юдичъ, Чалый и Соколъ говорили о школахъ въ Малороссіи, гдѣ учатъ на непонятномъ языкѣ и коверкаютъ дѣтскую душу.

— Насильственная руссификація вредна.

— Школа безъ преподаванія на родномъ языкѣ мертва и безцѣльна.

Отмѣчали ораторы и то, что большинство учителей изъ украинскихъ губерній лишены были администраціей возможности пріѣхать на съѣздъ. Бурю протестовъ вызвало выступленіе г. Шахвердова въ пользу преподаванія исключительно на государственномъ языкѣ. Ораторъ вынужденъ былъ покинуть каѳедру.

26 декабря состоялось засѣданіе секціи по вопросамъ подготовки учителей начальныхъ школъ. Предсѣдательствовалъ членъ Гос. Думы Воронковъ. Другой членъ Гос. Думы, Клюжевъ, прочелъ докладъ объ учительскихъ семинаріяхъ по проекту совѣщанія Гос. Думы.

Семинаріи предположено устраивать въ сельскихъ мѣстностяхъ трехъ типовъ: мужскія, женскія и смѣшанныя. Программа преподаванія расширяется, расширяются и права оканчивающихъ семинаріи: имъ будутъ давать права окончившихъ среднія учебныя заведенія. Вводится автономія и т. д.

Докладчикъ увѣренъ, что въ Гос. Думѣ проектъ пройдетъ.

Членъ Гос. Думы Воронковъ не раздѣляетъ оптимизма И. С. Клюжева:

— Не Думѣ 3-го іюня реформировать школу.

Говорили и другіе оппоненты:

— Никакимъ семинаріямъ не улучшить положенія сельскаго учителя, пока будетъ существовать административная опека.

— Всѣ попытки окажутся платоническими, пока учителя не соединятся въ общества и не будутъ представлять организованной силы.

Резолюція отложена до завтра.

Комиссія по вопросамъ о школахъ въ мѣстностяхъ съ инородческимъ населеніемъ заслушала рядъ докладовъ (гг. Черкасенко, Прокоповича, г-жи Коротковичъ и др.) объ украинской школѣ.

Общій тонъ докладовъ:

— Съ введеніемъ принудительнаго обученія на русскомъ языкѣ грамотность въ малорусскихъ губерніяхъ падаетъ.

Пренія были очень бурныя. Въ результатѣ вынесена такая резолюція:

«Принимая во вниманіе недостатки постановки школьнаго преподаванія въ мѣстностяхъ съ преобладающимъ украинскимъ населеніемъ и недостиженіе имъ цѣлей образовательныхъ и воспитательныхъ, а также принимая во вниманіе, что школа должна быть близкой и родной населенію и по языку и по всему своему укладу,—комиссія находитъ, что въ мѣстностяхъ съ преобладающимъ украинскимъ населеніемъ школьное преподаваніе должно вестись на украинскомъ языкѣ. Русскій же языкъ долженъ быть главнымъ предметомъ и изученіе его обязательно. Внѣшкольное образованіе также должно вестись на украинскомъ языкѣ. Библіотеки должны заключать въ себѣ и книги на украинскомъ языкѣ. Въ учительскихъ семинаріяхъ и институтахъ должно быть обращено вниманіе на подготовку учителей въ мѣстностяхъ съ украинскимъ населеніемъ, для чего слѣдуетъ ввести преподаваніе украинской литературы и исторіи».

Кризисъ негра Разу.

1.

Въ декабрьской книжкѣ журнала «Новая Жизнь» напечатанъ разсказъ Арцыбашева «Преступленіе доктора Лурье».

Это небольшой разсказъ въ 13 страницъ, даже написанный безъ обычнаго для писателя мастерства и выразительности, но о немъ все же очень стоитъ поговорить поподробнѣе.

Дѣло въ томъ, что этотъ разсказъ есть, по моему глубокому убѣжденію, итогъ цѣлой и значительной полосы творчества нашего писателя, очень талантливаго, но, подобно слѣпому, никакъ не могущаго нащупать настоящую дорогу.

Самая конспективность разсказа, небрежность къ внѣшности его, показываютъ, что авторъ придавалъ ему программный смыслъ.

Разсказъ даже не кончаетъ, но резюмируетъ цѣлую эпоху творчества Арцыбашева, начавшуюся послѣ Санина и достигшую апогея въ повѣсти «У послѣдней черты».

Это полоса своеобразнаго нигилизма, полнаго отрицанія всего того, «чѣмъ люди живы».

Если бы я хотѣлъ изложить всего Арцыбашева на нѣсколькихъ страничкахъ, я привелъ бы «Преступленіе доктора Лурье».

...драмью, ямами и липая-
...бѣлая полярная жутко-
... вступала въ свои

ники оставили позади себя невысокій холмистый гребень и пошли низиной.

Невеселая картина вокругъ. Куда только уходилъ взглядъ, всюду унылая, глад-

но-жалобный крикъ обрываетъ нить вдохновенія пернатаго пѣвца. Хищный канюкъ, завидѣвъ людей, падаетъ стремглавъ внизъ съ той высоты, гдѣ онъ опи-

городіе,—подтвердилъ Иванъ, затѣмъ подумалъ, снялъ шапку, истово крестясь, и полѣзъ на кочку, съ верхушки которой вскорѣ донесся его ...

...и причину подобна [illegible] (?) вѣд... д. с. с. Пуришкевича. Наконецъ, они раскрываютъ полный моральный крахъ Маркова 2-го, которому послѣ приснопамятнаго премьеру изданiя за нанесенное съ пьяныхъ глазъ (?!!) оскорбленiе осталось одно матерiальное утѣшенiе—500 р. ежемѣсячныхъ.. Но и тутъ глупая зависть къ д. с. с. Пуришкевичу, получившему гораздо больше, и хочется спихнуть счастливаго «сотоварища». Деньги ихъ соединили и деньги ихъ разъединяютъ. Деньги—единственная реальная сила маргариновыхъ монархистовъ, но они же—и ихъ слабость»!

Вотъ какъ сами себя рисуютъ, «спасители отечества»!

Представьте-же себѣ, если кто-либо изъ нихъ приладится къ какому-либо сундуку,—каковы должны быть результаты!

Чтобы не далеко ходить, возьмемъ того-же Маркова 2-го, которому, по словамъ его же единомышленниковъ, «осталось одно матерiальное утѣшенiе—500 руб. ежемѣсячныхъ».

«Русскому Знамени» или, вѣрнѣе, доктору Дубровину, вѣроятно, неизвѣстно еще, что, помимо «500 руб. ежемѣсячныхъ», Марковъ получаетъ ежегодно изъ сундука курскаго губернскаго земства по 12,000 руб.! За 8 лѣтъ, какъ сообщилъ вчера нашъ корреспондентъ, это составитъ 96,000 руб.!

Мотивируются эти земскiя ассигновки изданiемъ бездарнаго, полуграмотнаго листка «Курская Быль», столь «популярнаго» и «распространеннаго», что онъ совершенно не можетъ существовать безъ земской субсидiи.

Ежегодная выдача въ теченiе 8 лѣтъ все одной и той же суммы ясно показываетъ, что этотъ «органъ» не идетъ, что его приходится распространять насильно и безплатно.

деньги».

А вотъ теперь, когда черная сотня, разрушивъ всю культурную работу былого, сломила земство и увезти изъ сундука десятки тысячъ на никуда негодное предпрiятiе, теперь они умалчиваютъ о «народной копейкѣ» и не щадятъ народнаго кармана.

И—нъ.

„Бабушка" и газета.

Побѣгъ «бабушки» — Е. К. Брешко-Брешковской все еще продолжаетъ волновать общество. Благодаря этому, имя «бабушки» не сходитъ со столбцовъ столичныхъ и провинцiальныхъ газетъ. И—Богъ ты мой—сколько во всѣхъ этихъ писанiяхъ самыхъ подлинныхъ басенъ, сколько беззастѣнчивыхъ выдумокъ, а иногда и наглой лжи! Благо Сибирь и ссылка далеко отъ г.г. «собственныхъ корреспондентовъ» и хроникеровъ—они позволяютъ себѣ плести про нее всякiя были и небылицы.

Я считаю своимъ долгомъ протестовать противъ побасенокъ, измышляемыхъ въ петербургскихъ редакцiяхъ, и указать здѣсь на нѣсколько фактовъ, гдѣ россiйскiя газеты проявили возмутительную неосвѣдомленность. Не буду называть здѣсь газетъ, ибо сообщенiя «Дня», «Новаго Времени» и «Биржевки» перепечатали буквально всѣ газеты, слѣдовательно, всѣ онѣ отвѣтственны за свистопляску вокругъ имени «бабушки». Будемъ слѣдовать за хронологiей событiй.

Было сообщенiе, что «бабушку» арестовали въ 200 верстахъ отъ Киренска и въ 12 в. отъ Иркутска и, что бѣглецы ѣхали

О жизни «бабушки» въ ссылкѣ тоже фантазировалось не мало. Такъ, напримѣръ, сообщалось, что «бабушку» отправили въ Нижне-Илимскъ весною, а перевели въ Киренскъ осенью, по просьбѣ нижне-илимскаго пристава. Что ни слово, то выдумка. «Бабушку» привезли въ Нижне-Илимскъ въ августѣ 1910 г., а перевели въ Киренскъ *черезъ двѣ недѣли* и не по просьбѣ пристава, а по предписанiю изъ Иркутска, такъ какъ тамъ убѣдились, что оставлять ее въ Нижне-Илимскѣ опасно: мѣстные крестьяне отказывались наниматься сторожить больную старуху, несмотря на соблазнъ 40-рублеваго жалованья.

Сообщенiе о грубости киренскихъ стражниковъ тоже выдумано: какъ стражники, такъ и вся киренская администрацiя относились къ «бабушкѣ» очень корректно, но они *обязаны* были дѣлать у нея и ея гостей обыски, такъ какъ этого требовали изъ Иркутска и Петербурга.

Умилительный разсказъ о бабушкиномъ огородѣ, былъ бы хорошъ, если бы его тоже не выдумали. Дѣйствительно, «бабушка» развела въ своемъ дворикѣ чудесный огородъ и цвѣтникъ. Но она не могла кормить своими овощами ссыльныхъ «всего края», ибо этотъ край, господа, тянется ровно на тысячу верстъ. Кромѣ того, слѣдуетъ замѣтить, что бабушкинъ огородъ не былъ новостью, такъ какъ гораздо сѣвернѣе Киренска, въ Ичерѣ, Витимѣ и Мухтуѣ, ссыльные давно уже разводятъ большiе промышленные огороды, а скопцы въ Якутской области, ухитряются даже выращивать особую породу арбузовъ.

Смѣшно также читать о томъ эффектѣ, какой будто бы произвелъ выписанный «бабушкой» граммофонъ. Граммофоны, и очень дорогiе, давно извѣстны не только въ Киренскѣ, Бодайбо, Олекминскѣ и Якут-

Но есть ли хоть какой-нибудь ...
этой прижимкѣ? Тысячи людей ...
оторваны отъ заработка, опять ...
скитанiе по тюрьмамъ и этапа...
будетъ наростать угнетающее ...
Неужели же ссыльные—люди ...
ли, съ которыми можно дѣлать ...
угодно?

Дм. Или...

I всероссiйскiй съѣ... народному образов...

(Отъ нашего корреспон...)

1-й всероссiйскiй съѣздъ ...
народнаго образованiя привлекъ ...
участниковъ. Такого количес...
ожидалъ, а потому устроител...
сбились съ ногъ. Въ справочн...
лый адъ! Извольте-ка цѣлы...
народа выдавать все, что ...
Но, конечно, собравшiеся въ ...
вины и ихъ испытанiя со...
служены. А испытывать при...
много. Помимо всѣхъ неуст...
намъ приходится дѣлать ужас...
потому-что секцiи засѣдают...
ныхъ одна отъ другой раз...
знаетъ Петербургъ, тотъ по...
трудности надо преодолѣть, ...
щать, съ одной стороны, «Н...
Имп. Николая II-го», а съ д...
логическiй институтъ, вы...
курсы, театръ Зона. Ни од...
былъ такъ разбросанъ, как...
сiйскiй по вопросамъ народна...

Среди мховъ.

Разсказъ-очерки.

I.

— Такъ что, ваше благородiе, безпремѣнно теперь намъ крышка...

Въ какомъ ни былъ подавленномъ настроенiи духа Сергѣй Степановичъ, онъ при этихъ словахъ своего слуги не могъ удержаться отъ легкой улыбки.

— Какъ же все это произошло? Чего испугались наши погибшiя лошади?—спросилъ онъ послѣ минутнаго молчанiя.

— А кто ихъ знаетъ, ваше благородiе. Когда ты, ваше благородiе, пошелъ впередъ разсматривать мхи и всякую тутошнюю дрянь, я шелъ съ лошадьми сзади, не торопясь, потому торопиться было некуда. Вижу—мѣсто для привала подходящее: въ горку тундра полѣзла, березки да чахлый ивнякъ растутъ, а поодаль вотъ та самая сосна корявится. Остановилъ я лошадей, съ Красавчика сѣдло и багажъ снялъ—вдругъ заржали кони да подъ горку затрусили. А Красавчикъ точно балуется, задомъ подбросилъ, ходу прибавилъ. Ну, и мой Пятнистый отъ него не отступаетъ. Бѣгу я за ними, а они уже до осоки дотрусили и осока имъ выше колѣнъ зашла. Только вдругъ вижу я, какъ вздыбятся лошадки, да въ сторону, какъ шарахнутся, а изъ-подъ самыхъ почитай копытъ ихъ чертовщина какая-то, точно большая птица, какъ вырвется! Понеслись лошади по тундрѣ да вотъ на тряское мѣсто и угодили.

Иванъ снялъ шапку и перекрестился.

— Жалостно было смотрѣть на нихъ. Красавчикъ сразу почти весь подъ разорванный мохъ ушелъ, а мой Пятнистый долго бился...

Они стояли на небольшомъ возвышенiи. Солнце уже уплыло за горизонтъ и сумерки призахмурились. Низовую тундру окуталъ густой клубящiйся туманъ, упорно и неуклюже расползаясь надъ тряскими равнинами.

Надъ этимъ бѣлесоватымъ покровомъ то здѣсь, то тамъ на большомъ разстоянiи одинъ отъ другого подымались островки низкорослыхъ, чахлыхъ хвойныхъ деревьевъ, умирающiй кедръ подымалъ свою верхушку рядомъ съ уродливой, изломанной сосной, рѣдкiя вѣтви которой напоминали съ вывороченными суставами руки калѣки.

— Что уцѣлѣло изъ нашего имущества?—спросилъ ботаникъ послѣ минутнаго молчанiя.

— Ружье, патроны, сумка съ провизiей и дорожными вещами и... и все?—воскликнулъ онъ.

— Еще, ваше благородiе, фляга съ коньякомъ. Въ этомъ проклятомъ климатѣ безъ него безпремѣнно отъ хворобы подохнешь.

Сергѣй Степановичъ не слушалъ слугу. Нервнымъ движенiемъ онъ разбрасывалъ вещи, точно отыскивая что-то, и, не найдя, страшно взволновался.

— Негодный пьяница!—закричалъ онъ на Ивана.—Гдѣ моя коробка съ коллекцiями растенiй? Говори, пьяница, гдѣ коллекцiя?

— Коллекцiя?—спокойно переспросилъ Иванъ, привыкшiй къ вспышкамъ характера своего барина,—это съ мохомъ разнымъ?

— Ну, да, гдѣ она?

— Въ болотѣ. А я думалъ, ваше благородiе, ты о чемъ нибудь путномъ серчать изволишь.

— Да пойми ты,—нетерпѣливо воскликнулъ Сергѣй Степановичъ,—что въ коллекцiи были новые, *никому* еще неизвѣстные сорта мха и лишайчиковъ—мой вкладъ въ науку.

Иванъ возразилъ съ чувствомъ глубокаго убѣжденiя:

— Какая путевая наука станетъ заниматься всякою дрянью, мхами и лишаями... Тьфу!

Между тѣмъ бѣлая полярная жутконервирующая ночь вступала въ свои права.

II.

Собиратели коллекцiй... Ботаники, зоологи, словомъ, ученые или вообще люди, обуреваемые жаждой знанiя, стремящiеся внести свою незамѣтную для многихъ, но важную посильную лепту въ сокровищницу человѣческаго знанiя.

Подъ внѣшней оболочкой чиновника, промышленника или просто охотника проникаютъ они въ малоизслѣдованные, глухiе уголки Сибири, въ непривѣтливыя равнины Турухана или Колымскаго края, подымаются въ далекiя сѣверныя точки забытаго, кажется, и Богомъ и людьми Якутскаго края.

Со стоицизмомъ и выносливостью истинныхъ спортсменовъ, въ благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова, они нерѣдко подвергаются жестокимъ опасностямъ, ставя порою на карту даже свою жизнь. И подъ натискомъ этихъ смѣльчаковъ все шире и шире развертывается предъ нами горизонтъ познаванiя отдаленнѣйшихъ уголковъ нашего обширнаго отечества.

Въ академiяхъ, музеяхъ и научныхъ кабинетахъ Россiи и заграницы въ то же время начинаютъ появляться новые образчики флоры и фауны далекаго сѣвера, появляются и священныя для ученаго реликвiи давно ушедшихъ временъ, говорящiя намъ и съ бытовой и исторической стороны о той другой жизни, которая въ сѣдомъ прошломъ оживляла эти нынѣ угрюмыя, большую часть года покрытыя дѣвственными снѣгами равнины.

Въ каталогахъ этихъ музеевъ посѣтители на ряду съ названiями глубоко интересныхъ и часто неожиданныхъ экспонатовъ могутъ прочесть имя того, кто цѣною огромныхъ трудовъ доставилъ въ музей эту рѣдкость. Къ числу такихъ спортсменовъ науки принадлежалъ и Сергѣй Степановичъ...

Когда день смѣнилъ лѣтнюю бѣлую ночь и солнце окончательно спугнуло ночной туманъ, который трусливо зашевелился, поползъ разорванными пятнами и постепенно растаялъ, наши путешественники оставили позади себя ...
мистый гребень и пошли ...

Невеселая картина вокру...
ко уходилъ взглядъ, всюду ...
кая, какъ скатерть, бура...
крытая однообразными м...
этого нерадующаго глазъ ...
притаились хилые, одино...
ки, вороньи ягоды, багуль...
тутъ же зеленѣла мѣстам...
въ группки клюква и мор...

Точно гигантскiя заплат...
ро-зеленѣющемъ коврѣ вы...
щади, захваченныя особой ...
приникали къ ней убогiя ...
торыхъ болотныхъ растен...
ли кокетливые лютики, к...
пица, а далѣе, точно умир...
вомъ климатѣ, не распо...
поэзiи любви, разбѣжалис...
площадкѣ сѣроватыя полз...

Изрѣдка попадались б...
слугѣ группы низкоросл...
На этой непривѣтливой ...
они всѣмъ существомъ св...
боравымъ видомъ говорят...
смертельной тоскѣ и жажд...
долгаго лѣта и манящей ...
выя ивы, карликовыя бе...

Но и эти унылыя разн...
ихъ обитателей: и тундр...
лубѣющая даль надъ не...
своеобразной жизнью, шум...
моль, откликались своим...
буромъ моховомъ покровѣ ...
дики въ норки пеструшки ...
вый, пятнистый, коричне...
рекъ недовольнымъ хри...
вожнымъ пискомъ встрѣч...
путниковъ. Не разъ пут...
и болѣе крупнаго звѣря, ...
гося сѣвернаго оленя, и ...
въ рытвинахъ и углубл...
песца, сидящаго тамъ па...
вернется ли какой зуекъ ...
ропатка.

Съ виду мертвая и ...
жила, говорила и пѣла. ...
низкорослыхъ травахъ, ...
личную пѣсню рогатый ...
ная въ мглистой лазури ...
нить пуночка. Вдругъ ...

Дм. Ильинскій.

I всероссійскій съѣздъ по народному образованію.

(Отъ нашего корреспондента).

1-й всероссійскій съѣздъ по вопросамъ народнаго образованія привлекъ болѣе 6000 участниковъ. Такого наплыва никто не ожидалъ, а потому устроители совершенно обились съ ногъ. Въ справочномъ бюро цѣлый адъ! Извольте-ка цѣлымъ тысячамъ народа выдавать все, что они требуютъ! Но, конечно, собравшіеся въ этомъ неудобствамъ и ихъ испытанія совершенно незаслужены. А испытывать приходится очень много. Помимо всѣхъ неустройствъ, членамъ приходится дѣлать ужасающіе концы, потому-что секціи засѣдаютъ на громадныхъ одна отъ другой разстояніяхъ. Кто знаетъ Петербургъ, тотъ пойметъ, какія трудности надо преодолѣть, чтобы посѣщать, съ одной стороны, «Народный домъ Имп. Николая II-го», а съ другой,—технологическій институтъ, высшіе женскіе курсы, театръ Зона. Ни одинъ съѣздъ не былъ такъ разбросанъ, какъ 1-й всероссійскій по вопросамъ народнаго образованія.

...нъ народной школы въ 1905 и послѣдующіе годы... За учителемъ слѣдитъ по всѣхъ сторонъ.

Въ комиссіи по инородческой школѣ докладчикъ Юдичъ, Чалый и Соколъ говорили о школахъ въ Малороссіи, гдѣ учатъ на непонятномъ языкѣ и коверкаютъ дѣтскую душу.

— Насильственная русификація предпринята.

— Школа безъ преподаванія на родномъ языкѣ мертва и бесцѣльна.

Отмѣчали ораторы и то, что большинство учителей изъ окраинныхъ губерній лишены были администраціей возможности пріѣхать на съѣздъ. Бурю протестовъ вызвало выступленіе г. Шахвердова въ пользу преподаванія исключительно на государственномъ языкѣ. Ораторъ вынужденъ былъ покинуть каѳедру.

26 декабря состоялось засѣданіе секціи по вопросамъ подготовки учителей начальныхъ школъ. Предсѣдательствовалъ членъ Гос. Думы Воронковъ. Другой членъ Гос. Думы, Клоскенъ, прочелъ докладъ объ учительскихъ семинаріяхъ по проекту сотрѣщанія Гос. Думы.

Семинаріи предположено устраивать въ сельскихъ мѣстностяхъ трехъ типовъ: мужскія, женскія и смѣшанныя. Программа преподаванія расширяется, расширяются и права оканчивающихъ семинаріи: имъ будутъ давать права окончившихъ среднія учебныя заведенія. Вводится автономія и т. д.

I.

Въ декабрьской книжкѣ журнала «Новая Жизнь» напечатанъ разсказъ Арцыбашева «Преступленіе доктора Лурье».

Это небольшой разсказъ въ 13 страницъ, даже написанный безъ обычнаго для писателя мастерства и выразительности, но о немъ все же стоитъ поговорить подробнѣе.

Дѣло въ томъ, что этотъ разсказъ есть, по моему глубокому убѣжденію, этапъ новой и значительной полосы творчества нашего писателя, очень талантливаго, но, подобно слѣпому, никакъ не могущаго нащупать настоящую дорогу.

Самая конспективность разсказа, небрежность къ внѣшности его, показываютъ, что авторъ придавалъ ему программный смыслъ.

Разсказъ даже не кончаетъ, но резюмируетъ цѣлую эпоху творчества Арцыбашева, начавшуюся послѣ Санина и достигшую апогея въ повѣсти «У послѣдней черты».

Это полоса своеобразнаго нигилизма, полнаго отрицанія всего того, «чѣмъ люди живы».

Если бы я хотѣлъ изложить всего Арцыбашева на нѣсколькихъ страничкахъ, я привелъ бы «Преступленіе доктора Лурье».

...мхами и лишай-

...полярная жутко-
...ала въ своя

. Ботаники, вообще вообще люди,
...нія, стремящіеся
...о для многихъ,
...ту въ сокровищ-
...ія.

...ной чиновника,
...просто охотника
...послѣдованные,
...ъ непривѣтливыя
...льнаго края,
...сѣверныя точки
...огонь и людьми

...слизостью исчи-
...благороднѣйшемъ
...нерѣдко подвер-
...стямъ, ставя по-
...жизнь. И подъ
...ковъ все шире
...предъ нами гори-
...вѣйшихъ угол-
...отечества.

...хъ и научныхъ
...вицы въ то же
...ться новые обра-
...далекаго сѣвера,
...ыя для ученаго
...ъ временъ, гово-
...й и исторической
...ини, которая въ
...яла эти нынѣ
...ъ года покрытыя
...авины.

...музеевъ посѣти-
...ии глубоко инте-
...ашныхъ экспона-
...ія того, кто цѣ-
...ъ доставилъ въ
...ъ числу такихъ
...адлежалъ и Сер-

...лѣтнюю бѣлую
...но спугнуло ноч-
...руслицо зашево-
...ными пятнами и
...ии путешествен-

...ники оставили позади себя невысокій холмистый гребень и пошли низиной.

Невеселая картина вокругъ. Куда только уходилъ взглядъ, всюду унылая, гладкая, какъ скатерть, бурая равнина, покрытая однообразными мхами. Поверхъ этого неродующаго глазъ покрова уныло притаились хилые, одинокіе кустарнички, вороньи ягоды, багульникъ, кассіопея, тутъ же зеленѣла мѣстами обивающаяся въ группки клюква и морошка.

Точно гигантскія заплаты, на этомъ буро-зеленѣющемъ коврѣ выдѣлялись площади, захваченныя особой, и тутъ же приникали къ ней убогія формы нѣкоторыхъ болотныхъ растеній. Выглядывали кокетливые лютики, камнеломки, пупица, а далѣе, точно умирающіе въ суровомъ климатѣ, не располагающемъ къ поэзіи любви, разбѣжались по небольшой площадкѣ сѣроватыя полярныя незабудки.

Изрѣдка попадались ботанику и его слугѣ группы низкорослыхъ деревьевъ. На этой непривѣтливой мерзлой почвѣ они всѣмъ существомъ своимъ и убогимъ хорявымъ видомъ говорятъ вамъ о своей смертельной тоскѣ и жаждѣ тепла, свѣта, долгаго лѣта и манящей весны. Уродливыя ивы, карликовыя березки, осины.

Но и эти унылыя равнины имѣли своихъ обитателей: и тундра, и блѣдно-голубѣющая даль надъ нею были полны своеобразной жизнью, шумѣли своимъ шумомъ, откликались своими голосами. Въ буромъ моховомъ покровѣ виднѣлись входили въ норки пеструшки, и самъ красивый, пятнистый, коричнево-желтый звѣрекъ недовольнымъ хрюканьемъ и тревожнымъ писомъ встрѣчалъ приближеніе путниковъ. Не разъ путники спугивали и болѣе крупнаго звѣря, и мирно пасшагося сѣвернаго оленя, и притаившагося въ рытвинахъ и углубленіяхъ хищнаго песца, сидящаго тамъ на стражѣ: не подвернется ли какой зуекъ, или бѣлая куропатка.

Съ виду мертвая и мрачная, тундра жила, говорила и пѣла. Притаившись въ низкорослыхъ травахъ, пѣлъ свою мелодичную пѣсню рогатый жаворонокъ; утопая въ мглистой лазури свиститъ и звенитъ пуночка. Вдругъ рѣзкій проницательно-жалобный крикъ обрываетъ нить вдохновенія пернатаго пѣвца. Хищный канюкъ, завидѣвъ людей, падаетъ стремглавъ внизъ съ той высоты, гдѣ онъ описывалъ гордые круги. Надъ самыми головами путниковъ пролетаетъ онъ планирующимъ полетомъ и начинаетъ описывать круги надъ ихъ головами, точно дивится причинѣ ихъ прихода. Снова онъ испускаетъ громкій жалобный крикъ и вдругъ взвивается вверхъ, исчезаетъ вдали.

Наступаетъ третій день пути Сергѣя Степановича. Погода пасмурная, туманная. Нѣтъ солнца, которое дало бы возможность провѣрить принятое путниками направленіе! Время идетъ, выходитъ оставшаяся провизія.

Великолѣпный хронометръ Сергѣя Степановича показывалъ около 12, когда Иванъ судорожно схватилъ ботаника за рукавъ:

— Ваше благородіе, извольте взглянуть!

— Что, что такое?

— Такъ что, ваше благородіе, людей не видать, а однѣ юрты. Наша дорога прямехонько къ нимъ лежитъ.

Прямо противъ нихъ на довольно обширной площадкѣ раскинулось десятка три странной формы не то землянокъ, не то юртъ съ закругленными верхушками. Они еще не дошли до заинтересовавшей ихъ площадки, какъ Сергѣй Степановичъ уже понялъ, въ чемъ дѣло.

— Болотныя кочки!—проговорилъ онъ съ разочарованіемъ.—Просто болотныя кочки тундры.

Иванъ посмотрѣлъ на барина съ нескрываемой насмѣшкой:

— Что ты, что ты, ваше благородіе, да гдѣ ты такія кочки болотныя видѣлъ?

Но это было такъ. Черезъ часъ и Иванъ долженъ былъ сознаться въ этомъ. Они стояли около первой изъ исполинскихъ кочекъ, покрытой мохомъ, поверхъ котораго ползли вверхъ обычныя для тундры травы и ягодные кустарнички. Прислонясь къ этой салонной вышины кочкѣ, ботаникъ задумался.

— Слушай, друженце, мы сбились съ пути!—проговорилъ онъ, наконецъ, обращаясь къ слугѣ.

— Надо полагать, что такъ, ваше благородіе,—подтвердилъ Иванъ, затѣмъ подумалъ, снялъ шапку, истово крестясь, и полѣзъ на кочку, съ верхушки которой вскорѣ донесся его богатырскій храпъ.

— Нельзя сказать, чтобы спать на кочкахъ этихъ было особенно удобно,—подумалъ ботаникъ. Самъ онъ заснуть не могъ. Когда часа черезъ три они снова собрались выступать въ путь, ботаникъ махнулъ рукою въ сторону отъ кочковатой тундры.

— Думается мнѣ, что тамъ рѣка.

Небо попрежнему было обложено желтовато-свинцовымъ покровомъ. Въ притаившейся тиши одиноко и унылый звучалъ нѣжный посвистъ подорожника: тью... тью...

III.

Почва дѣлалась суше. Болотистую моховую тундру мѣстами смѣнялъ уже песокъ, мѣстами глина, поверхъ которыхъ ползъ подернутый зеленью пушистый покровъ оленьяго и исландскаго лишайника. Хотя растительность дѣлалась еще бѣднѣе, чѣмъ была, и лишь кое-гдѣ попадали одинокая голубика, клюква, морошка, богульникъ и вороньи ягоды, но на душѣ у ботаника и его слуги дѣлалось свѣтлѣе. Расходилась и погода. Сквозь свинцовую расползающуюся завѣсу неба нѣтъ—нѣтъ да и проглянетъ радостный лучъ солнца. Дулъ довольно сильный, но не холодный вѣтеръ.

На пятый день блѣдно-голубое, точно выцвѣвшее, небо начало очищаться отъ тучъ.

— Никакъ вдали лѣсной островокъ виднѣется.

— Такъ и есть,—подтвердилъ Иванъ.—А тамъ какъ будто почва вздымалась.

Лѣсокъ, пріютившійся у небольшого холмика, имѣлъ убогій, чахлый и странный видъ. Большинство деревьевъ было уродливыя, плохо росшія, съ черными обгорѣлыми стволами. Такіе же черные, точно обугленные, пни подымались изъ лишайниковъ, а около валялись гніющіе стволы лиственницы, ели и сухія, обломанныя вѣтви.

— Умираетъ лѣсокъ, глушитъ его тундра,—пробормоталъ ботаникъ.

[illegible] «Преступленія», [illegible]

«Потому, что во многой мудрости много печали; и кто умножаетъ познанія—умножаетъ скорбь».

[illegible] ученый, докторъ Лурье, увезъ изъ Африки въ Парижъ негра Раду и подвергъ его интересному опыту: во всеоружіи [illegible] науки, при помощи [illegible], кинематографа и т. д., [illegible] показывать негру чудеса и внушать ему мысль, что онъ, докторъ Лурье,—богъ и всемогущій духъ. Когда же негръ [illegible] въ немъ себѣ бога, почувствовалъ [illegible] своимъ [illegible] (доктора Лурье) [illegible] и властнымъ руководительствомъ, которому нужно только по-дѣтски [illegible], онъ, докторъ Лурье, сталъ знакомить негра съ [illegible] науки, срывающими покровъ тайны съ чудесныхъ явленій. Когда бѣдный негръ [illegible] на мѣстѣ чудъ [illegible] и на мѣстѣ бога—[illegible], онъ повѣсился.

Послѣ этого докторъ Лурье пришелъ къ выводу, [illegible] и [illegible] собой [illegible] изреченіе Экклезіаста.

Вотъ этотъ выводъ:

«Я сознаю, что служу не дѣлу жизни, а дѣлу разрушенія, что, служа знанію и срывая покровы съ таинственнаго прекраснаго міра, я обрекаю человѣчество на тоску безсмысленной и механической пустоты, въ которой собственная жизнь его становится безцѣльной и жалкой, какъ [illegible], уносимая ураганомъ».

И докторъ Лурье отравился.

2.

Идеи [illegible] отрицанія имѣютъ совсѣмъ особое вліяніе на неустойчивые умы.

Зрѣлый умъ, если ему показать, что все вокругъ него худо, стыдно, недостойно человѣка, берется переломъ, почти не произвольнымъ движеніемъ исправить зло, не[illegible] и облагообразиться.

Незрѣлый умъ, умъ дикаря, сразу рѣшаетъ, что ему нечего больше ждать отъ жизни. Ибо другой жизни внѣ предѣловъ своихъ четырехъ стѣнъ и своего непосредственнаго опыта онъ не мыслитъ, а въ этой понятной ему жизни все оказалось, какъ говоритъ Ницше, «грязь и жалкое удовольствіе».

По этой же причинѣ нѣтъ еще такихъ [illegible] самоубійства, какъ гимназисты пятаго класса.

Такъ повѣсился и негръ Раду.

Покончилъ съ собой, правда, и докторъ Лурье, но одинаковая манера обоихъ реагировать на удары судьбы объясняется тѣмъ, что оба подчинены одному автору.

У иныхъ авторовъ всѣ персонажи, отъ крестьянина до графа, говорятъ языкомъ автора, у Арцыбашева всѣ чувствуютъ душой автора.

Кому же родственна душа автора: негру Раду или доктору Лурье? Мы знаемъ, какъ все послѣдовательно и понятно въ жизни и поступкахъ Раду, какъ все въ немъ цѣльно, какъ все въ немъ понимается авторомъ.

Совсѣмъ не то съ докторомъ Лурье. Онъ остается непонятнымъ читателю, ибо не понятъ авторомъ, не сумѣвшимъ его намъ объяснить.

Привыкшій жить мыслью, а не чувствомъ, застрахованный отъ разочарованій, ибо недоступный очарованіямъ, скептикъ и экспериментаторъ, изслѣдователь и аналитикъ, докторъ Лурье вдругъ кончаетъ самоубійствомъ, то-есть признаетъ себя не только срѣзавшимся на экзаменѣ, самому себѣ устроенномъ, но и срѣзавшимся безнадежно.

Истинные ученые, экспериментаторы по натурѣ и призванію, такъ не дѣлаютъ. Они изслѣдуютъ причины, по которымъ экспериментъ потерпѣлъ неудачу, устраняютъ ихъ и потомъ пробуютъ еще десять, тысячу, милліонъ разъ.

Если бы докторъ Лурье, а не негръ Раду писалъ этотъ разсказъ, онъ заставилъ бы доктора Лурье на болѣе убѣдительныхъ опытахъ, чѣмъ произведенный, провѣрить несовмѣстимость для людей мысли и счастья (ниже я укажу, почему считаю опытъ съ негромъ неубѣдительнымъ); убѣдившись въ невозможности совмѣстить мысль и радость, онъ долженъ былъ честно спросить себя, что важнѣе для людей и для него: счастье или истина, и если бы нашелъ, что пріоритетъ принадлежитъ счастью, то свой прежній ученый грѣхъ передъ людьми долженъ былъ искупить дальнѣйшимъ служеніемъ счастью людей, пусть даже гоненіемъ на науку, которой онъ раньше поклонялся и даже [illegible] жизнью.

Это было бы послѣдовательно и логично; ошибка была бы не въ выводахъ, а въ самой предпосылкѣ о несовмѣстимости мысли и счастья.

Во всякомъ случаѣ совсѣмъ неубѣдителенъ опытъ съ негромъ.

Если бы докторъ сразу сталъ показывать негру чудеса, объяснять ихъ научныя основанія, то едва-ли негръ почувствовалъ бы себя несчастнымъ. Онъ просто почувствовалъ бы себя тоже богомъ, а не игрушкой бога, хотя бы и очень добраго. Умѣя самъ проглатывать чудеса, онъ былъ бы не объектомъ, а субъектомъ міра, активнымъ, а не пассивнымъ. Едва ли это трагичнѣе, чѣмъ ходить слѣпымъ орудіемъ и игралищемъ темныхъ чудесъ.

Но докторъ сначала запугалъ негра чудесами, освоилъ его мысль, а потомъ вдругъ пустилъ его въ открытое море мысли. Вотъ тутъ, въ этой первой половинѣ опыта, и есть истинное преступленіе доктора Лурье.

3.

Изслѣдовавъ силой мысли всѣ проявленія нашего духа, переоцѣнивъ всѣ человѣческія цѣнности, Арцыбашевъ не былъ бы послѣдователенъ, если бы не примѣнилъ и самую мысль, свою союзницу въ прежней работѣ.

И онъ искренно думаетъ, что онъ все поразмалъ, все разрушилъ и оставилъ вокругъ голой, какъ вначалѣ.

Это, однако, иллюзія. Разрушая, всегда приходится думать о томъ, что создашь взамѣнъ разрушеннаго, и, если даже ничего не хочешь создать,—оно само создастся. «Святое мѣсто пусто не бываетъ».

И вотъ Арцыбашевъ, незамѣтно для себя, разрушая, утверждаетъ. Что? А вотъ что:

«Служа знанію и, срывая покровы съ таинственнаго прекраснаго міра, я обрекаю человѣчество на тоску» и т. д.

Вотъ вамъ и утвержденіе «таинственнаго прекраснаго міра»... неизбѣжества. Бѣдный слѣпой Самсонъ, бѣдный Прометей въ салонѣ графини Игнатьевой и разрушенныхъ аббатовъ.

4.

Во всякомъ пессимизмѣ, законченномъ и безпросвѣтномъ, есть всегда нѣчто отъ евнушескаго слабосилія.

И, слѣдя за второй, пессимистической полосой арцыбашевскаго творчества, подъ которую теперь «Преступленіе доктора Лурье» подвело черту, я думаю объ одномъ изреченіи другого великаго ума, тоже пессимиста, но въ другомъ, болѣе жизнедѣятельномъ смыслѣ, объ изреченіи Ницше:

«Человѣкъ, твое дѣло не спрашивать у жизни смысла, но самому придать жизни смыслъ».

Я думаю, что пессимизму жизнеощущенія, отрицанію жизни, какъ она сейчасъ есть, долженъ сопутствовать оптимизмъ міропониманія, пріятіе міра, какимъ онъ можетъ быть и будетъ, если у насъ хватитъ мужества захотѣть.

Тогда это будетъ творческій, плодотворящій, возбуждающій, а не усыпляющій пессимизмъ.

Что до Арцыбашева и симптоматической важности его «Преступленія доктора Лурье», разсказа, въ которомъ я ниже сводилъ къ цѣлому тому его разсказовъ, то думаю я:

Когда подводятъ итоги, то извѣстный счетъ ликвидируютъ.

Продолжать послѣ подведеннаго итога старый счетъ—значило бы согласно повторяться и уронить свой авторитетъ.

Мы стоимъ, очевидно, на Рубиконѣ, знаменующемъ поворотъ; мы присутствуемъ при кризисѣ арцыбашевскаго пессимизма.

Или онъ укажетъ по ту сторону «послѣдней черты», или будетъ повторяться и утратитъ свое значеніе въ литературѣ, или онъ пойдетъ по новому пути.

О, если бы это былъ путь къ выздоровленію, къ просвѣтлѣнію слѣпого титана, къ превращенію негра Раду въ доктора Лурье.

Такъ хочется въ это вѣрить.

Семенъ Губеръ.

По капелькамъ.

Не бѣда, а трагедія Иліодора—въ томъ, что онъ постоянно опаздываетъ, былъ можетъ, опоздалъ родиться вообще.

Не бѣда и не трагедія для Россіи изъ этого нѣкогда смиреннаго сочинскаго инока, затѣмъ—неистоваго іеромонаха, съ наклонностями, задатками и гипнозомъ демагога, еще позже—лишеннаго сана, ставшаго обывателемъ—«по паспорту Сергѣемъ Труфановымъ».

Не бѣда и не трагедія.

Теперь это видно вполнѣ ясно, какъ видно и то, что свою несомнѣнно бывшую внутреннюю силу человѣкъ этотъ разменялъ на блестки внѣшняго успѣха, разсѣивалъ торопливо, суетливо, истерически—и сила эта, въ концѣ концовъ, ушла, расточилась по капелькамъ.

Несомнѣнно, выйди Иліодоръ на арену политическихъ страстей въ дни наибольшаго ихъ разгара,—его жизнь и его дѣянія могли быть большой бѣдой для Россіи и для церкви, именемъ которой неистовый іеромонахъ прикрывалъ свои бурныя выступленія характера непрекращаемыхъ бравадъ.

Но на этой аренѣ замѣтнымъ борцомъ Иліодоръ сталъ лишь тогда, когда острый моментъ споровъ прошелъ, когда выступила даже не реакція, а нѣчто разжиженное на темныя деньги союзническихъ «иліодоновъ»—изобрѣтенія Дубровиныхъ и Пуришкевичей.

Иліодору не хватило политической подготовленности, воспитанія, чтобы учесть это.

Оттого, въ выступленіяхъ своихъ онъ держался именно той аудиторіи—ея вкусовъ, требованій, стремленій—которая конкретнаго политическаго значенія имѣть не могла, ибо въ общей массѣ, если не граждане, то просто обывателей—движимые имъ элементы были и незначительны, и не авторитетны.

Быть можетъ, учитывая низкій политическій цензъ и дѣеспособность своей аудиторіи, воинствующій монахъ неуклонно стремился соединить въ своихъ бравадахъ политику съ церковью.

Но и изъ этого, кромѣ распада аудиторіи, не вышло ничего. Та часть ея, которая видѣла въ немъ вождя, презирала и чуждалась той части—количественно, пожалуй, и болѣе осязательной—которая въ Иліодорѣ хотѣла видѣть лишь духовнаго вождя, осѣненнаго особымъ наитіемъ отъ неба.

Въ первыхъ политическихъ выступленіяхъ своихъ Иліодоръ явился ярымъ врагомъ [illegible]. Стремился къ [illegible] строя, уже укрѣпленнаго формально въ основныхъ законахъ, съ трудомъ, съ препонами, но все же внѣдрявшагося въ жизнь.

Въ этотъ періодъ даже покровительствуемый Иліодоръ неминуемо долженъ былъ придти къ усвоенію сумбурныхъ принциповъ анархическаго всеотрицанія, къ борьбѣ противъ началъ, мѣшающихъ реализаціи его всегда субъективныхъ представленій.

И—опять таки—для того, чтобы въ эти представленія внести критерій объективнаго, Иліодоръ не былъ ни достаточно образованъ вообще, ни политически воспитанъ.

Онъ послѣдовательно прошелъ—съ тѣмъ же значеніемъ субъективнаго всеотрицанія—стадія ярчайшаго, тупого черносотенства, отрицающаго идейную борьбу, борьбу за идейность, ненавидящаго просвѣщеніе, интеллигенцію, защищающаго кровавые доктрины «націоналистическаго» утвержденія одного за счетъ другихъ.

Также послѣдовательно, все тотъ же покровительствуемый Иліодоръ, пришелъ къ отрицанію власти, которая ему покровительство дала.

Тогда только покровительство исчезло—и власть ликвидировала Иліодора, какъ политическаго борца, но не имѣла мужества и данныхъ открыто признаться въ томъ, что ликвидируетъ политическаго безумца во имя сохраненія началъ правопорядка.

Иліодоръ опоздалъ—и бросился къ церкви, но также долженъ былъ придти къ своей ликвидаціи и здѣсь, ибо для того, чтобы быть духовнымъ вождемъ православной массы, данныхъ у него не было никакихъ, но была бездна гордыни и честолюбія, не примиримыхъ съ народно-православнымъ представленіемъ о подвижничествѣ.

Только движимый этой гордыней Иліодоръ порвалъ съ церковью и пытался основать свою «Галилею», съ кощунственными декораціями нагорныхъ проповѣдей, съ позированіемъ фотографамъ на фонѣ пасомыхъ имъ овецъ и т. д.

Иліодоръ и здѣсь пришелъ къ краху своего замысла.

«Галилея», разсчитанная на эффектъ интервью съ корреспондентами о «новой религіи», новомъ Божествѣ или толкованіи Божества, вульгарно выражаясь, успѣха не имѣла.

Что же дальше?

Бѣжать?

Сдѣлать новый «бумъ», чтобы снова заставить говорить о себѣ?

Скрыться, окружить свой уходъ ореоломъ мистической таинственности?

Иліодоръ бѣжалъ.

Но, что возможно было бы для простого сектантскаго вождя, для Иліодора прежняго времени, прикрытаго облакомъ духовнаго подвижничества,—то для Труфанова стало невозможнымъ.

Иліодора нашли.

И—по послѣднимъ свѣдѣніямъ, передаваемымъ «Днемъ»—нашли въ недвусмысленномъ обществѣ какой то молоденькой дѣвицы.

Дальше—ужъ нѣтъ ничего, да и быть не можетъ.

Эта молоденькая дѣвица—конецъ Иліодора.

...Увы!—онъ и здѣсь опоздалъ, этотъ неистовый инокъ, еще такъ недавно проповѣдывавшій борьбу съ плотью: половыя проблемы перестали насъ интересовать.

А для новой, бодрой жизни—что же еще осталось у Иліодора?

Н. Верховскій.

Маленькій фельетонъ.

Не въ бровь.

Боже мой,—до чего мы стали оригинальны...

Передо мною огромный ворохъ газетныхъ святочныхъ разсказовъ.

Настоящій святочный пунктъ!

И—представьте себѣ:

— Ни одного замерзающаго мальчика!

Это въ области творческой—съ позволенія сказать—фантазіи...

Зато дѣйствительная, наличная жизнь представила такой телеграммой изъ Петербурга:

— Въ теченіе праздниковъ въ больницы доставлено громадное количество опившихся до потери разсудка. Найдено много пьяныхъ, замерзшихъ до смерти, много—съ отмороженными конечностями.

Господа святочные сочинители,—вотъ вамъ тема для новогодняго разсказа.

Тэкъ-съ!..

Можете посвятить ваши разсказы всѣмъ тѣмъ, кто занятъ сейчасъ:

— Борьбой съ пьянствомъ.

Пишите, какъ можно талантливѣе.

Чтобы они:

— Прочитали съ удовольствіемъ.

Надо-же потѣшить публику...

А. Смоляновъ.

Къ суду общественности.

Наиболѣе прогрессивно настроенная часть общества обвиняетъ «Южный Край» въ юдофобствѣ. «Утро» являлось выразителемъ этого мнѣнія и въ рядѣ статей доказало основательность и справедливость обвиненія. А. А. Іозефовичъ и его сотрудники не оправдывались: они не могли не видѣть, что всѣ попытки ихъ въ этомъ направленіи заранѣе обречены на неудачу. Поэтому всѣ старанія «Южнаго Края» были направлены на замалчиваніе самаго факта тяготѣющаго надъ нимъ обвиненія.

Въ № «Утра» отъ 24 декабря въ статьѣ «Трусливое молчаніе» я далъ литературно-общественную оцѣнку поведенія А. А. Іозефовича и его сотрудниковъ. При этомъ я, между прочимъ, утверждалъ, что «Южный Край» въ теченіе долгихъ лѣтъ служилъ дѣлу реакціи и лишь подъ давленіемъ объявленнаго ему въ 1905 г. бойкота изъ опасенія потерять всѣхъ своихъ читателей и публикаторовъ вынужденъ былъ заявить о своей прогрессивности, причемъ участники стараго «Южнаго Края» надѣли на себя маску прогрессивности и съ той легкостью, съ какой вчера писали погромныя статьи, сегодня уже писали въ либеральномъ духѣ.

Въ отвѣтъ на это А. А. Іозефовичъ и его сотрудники («Южный Край» отъ 25 декабря) не придумали ничего лучшаго, какъ голословно, безъ тѣни малѣйшихъ доказательствъ, назвать все это «клеветой», «гнусными обвиненіями», «гнусной выходкой», и заявить, что они «привлекаютъ автора статьи «Утра», мнимаго П. Трипольскаго, и редактора этой газеты къ отвѣту передъ судомъ за клевету».

Отвѣтъ, вполнѣ достойный соратниковъ Іозефовича, товарищей по редакціи Богдановича и Крылова.

Фактъ обращенія въ данномъ случаѣ къ коронному суду весьма характеренъ для «Южнаго Края». Онъ лишній разъ показываетъ, насколько прогрессивны г. Іозефовичъ и его сотрудники. При нашихъ русскихъ условіяхъ обращеніе къ уголовному суду со стороны прогрессивныхъ журналистовъ на почвѣ ихъ профессіональной дѣятельности допустимо лишь въ очень и очень рѣдкихъ случаяхъ, главнымъ образомъ въ случаяхъ необходимости разоблаченія преступной дѣятельности союзническихъ организацій и ихъ представителей, въ случаяхъ необходимости раскрытія роли лицъ, въ силу тѣхъ или иныхъ причинъ забронированныхъ отъ воздѣйствія на нихъ общественнаго мнѣнія. Переносить же въ коронный судъ литературно-общественный споръ о направленіи газеты или журнала и заставлять въ нашихъ условіяхъ коронный судъ высказывать свое сужденіе по вопросу, лжетъ или не лжетъ та или иная статья прогрессивнаго изданія по серьезному вопросу характеръ сотрудниковъ того или иного органа, непристойно для журналистовъ, именующихъ себя прогрессивными. Попытка втянуть въ литературно-общественный споръ судебныя учрежденія Имперіи такъ же непристойна, какъ и обращеніе въ подобныхъ случаяхъ за помощью къ розыскнымъ учрежденіямъ Имперіи.

Для разбора литературныхъ дѣлъ существуетъ литературный или третейскій судъ. «Утро» обвиняетъ А. А. Іозефовича и его сотрудниковъ въ юдофобствѣ, обвиняетъ А. А. Іозефовича и сотрудниковъ стараго «Южнаго Края» въ писаніи погромныхъ статей. Вы считаете это обвиненіе гнусной клеветой, такъ докажите это на страницахъ своей газеты. Вы считаете, что «Утро» не имѣло даже права выдвигать противъ васъ такого обвиненія, такъ докажите это передъ литературнымъ судомъ. Но вы вмѣсто этого грозите короннымъ судомъ. Намъ эти угрозы не страшны; «Утро» прекрасно знало, что «Южный Край» способенъ обратиться къ воздѣйствію власти на своихъ литературныхъ противниковъ, способенъ привлечь и не только за «клевету», но и за диффамацію.

Пусть же угроза судомъ будетъ своевре приведена въ исполненіе. Но все-таки вы должны были бы вызвать насъ къ литературному суду. Впрочемъ, вы имѣете всѣ основанія избѣгать общественнаго суда. Ваша литературная и общественная физіономія слишкомъ скомпрометирована. Обращеніемъ къ коронному суду вы хотите не реабилитировать себя въ глазахъ общественнаго мнѣнія, а путемъ судебныхъ репрессій заставить «Утро» замолчать.

Поэтому сегодня вы добиваетесь судебныхъ репрессій, а завтра, быть можетъ, будете добиваться административныхъ репрессій. Отъ «Южнаго Края», 20 слишкомъ лѣтъ прослужившаго дѣлу реакціи и разжиганію національной вражды, отъ «Южнаго Края», устроившаго товарищество на антисемитскихъ началахъ, отъ «Южнаго Края» съ его Іозефовичами, Богдановичами, Надеждиными, Крыловыми всего можно ожидать.

П. Трипольскій.

Маленькія замѣтки.

Толпа.

Объ озвѣреніи харьковской толпы, нападающей на карету скорой помощи, я писалъ въ газетѣ послѣ одного потрясающаго, прямо ужаснаго случая, когда толпа, окруживъ карету, не давала врачу возможности оказать помощь искалѣченному, когда карету встрѣтили свисткомъ и гиканьемъ и только при содѣйствіи полиціи удалось взять больного...

Въ первый день праздника на Шишкинской шоссе произошла точно же дикая, возмутительная сцена. Въ лужѣ крови безъ сознанія лежалъ на улицѣ зарѣзанный молодой человѣкъ. «Прибывшій врачъ,—описываютъ происшествіе очевидцы,—засталъ огромную толпу народа, которая, несмотря на убѣжденія врача разступиться и не мѣшать оказывать помощь, не обращала никакого вниманія и все плотнѣе обступала врача и санитаровъ. Страданія отсутствовали и длились минуты за 2—3 до отъѣзда кареты. Съ большимъ трудомъ врачу удалось осмотрѣть раненаго». Раненый потерялъ массу крови и былъ въ безсознательномъ состояніи. Въ Александровской больницѣ онъ, не приходя въ сознаніе, черезъ часъ по доставленіи скончался...

И кто знаетъ? Возможно было бы спасеніе, если бы помощь была оказана во время. Пока добрались до Журавлевки, пока убѣждали толпу...

Убѣждали не мѣшать оказать помощь тяжело раненому человѣку и тщетно, толпа «не обращала никакого вниманія»...

Что это были за люди? Кто они? Дикари, хулиганы?

Конечно, были и хулиганы, но не вся же огромная толпа состояла исключительно изъ дикарей, изъ ожесточенныхъ сердцемъ, изъ пьяныхъ, изъ потерявшихъ человѣческій обликъ...

Были въ толпѣ и почтенные люди, журавлевскіе жители, были и трезвые...

И вотъ они, эти люди, не только не вступались, не помогли врачу скорой помощи, но сами напирали, хулиганили, не обращали никакого вниманія на убѣжденія врача...

И это самое ужасное—это всеобщее, эта безчувственность, жестокость, равная преступленію, злодѣйству...

Развѣ не преступленіе препятствовать въ оказаніи помощи искалѣченному?

Этотъ же самый почтенный житель, обыватель, наивное, утромъ сходилъ въ церковь, «по-христіански» поздравилъ ближнихъ съ праздникомъ, съ Рождествомъ Христовымъ...

И не злодѣи какіе-нибудь были на шоссе, гдѣ лежалъ раненый, не звѣри, а люди православные, добродушные, не жестокіе...

А на какую жестокость, на какое звѣрство способны «жители» въ толпѣ?

Можетъ быть, все это творится только на окраинахъ города,—тамъ, гдѣ люди не «культурны», невѣжественны, темны?..

Нѣтъ, къ сожалѣнію, такія происшествія возможны и въ «центрѣ», и среди культурныхъ...

Въ тундрѣ холмистые гривы и увалы почти всегда указываютъ рѣчные берега—вотъ почему и ботаникъ, миновавъ унылый лѣсокъ, направился къ ясно намѣчающимся на сѣверѣ возвышенностямъ.

— Судя по всему,—говорилъ Сергѣй Степановичъ, сдѣлавшій кое-какія наблюденія по солнцу,—мы подходимъ къ рѣкѣ Куновати. Если это дѣйствительно такъ, то мы можемъ надѣяться встрѣтить тамъ или становище неушедшихъ на сѣверъ бѣдняковъ-инородцевъ или же...—ботаникъ задумался...—или же спуститься внизъ по рѣкѣ...

— А съ тундрой покончимъ?—боязливо переспросилъ Иванъ.

— Должно быть, такъ!

— Слава Тебѣ, Господи!—истово перекрестился Иванъ. Мысль о томъ, что можетъ быть скорый конецъ ихъ невольному путешествію пѣшкомъ, наполнила душу слуги радостью. Легче было идти. И даже въ голову прокрадывались такія пріятныя мысли: какъ въ Тюмень онъ вернется, безпремѣнно на Агашкѣ женится. Она у своихъ господъ служить будетъ, а онъ у своего барина. А какъ родится у нихъ сынъ востроглазый такой, какъ и сама Агашка, онъ прямо сыну накажетъ, когда тотъ въ умишко войдетъ—«смотри, молъ, собачій сынъ, въ тундру проклятую и самъ не лѣзь, да и другому закажи».

Бѣлая ночь давно уже вступила въ свои права и какъ синей полосой туманъ, тоска, широкая остатокъ силъ, ботаникъ и слуга вступили въ лѣсъ, окрашенный шестицвѣтной пестрой тишиною передъ ними холмистую возвышенность. Здѣсь были и кедры и лиственницы, высокія разнившіяся и въ вышину и въ обхватъ, попадалась сосна, ель. Упавшіе гнилые стволы порою преграждали дорогу. Было тихо въ лѣсу, погруженномъ въ ночную дремоту—только изрѣдка доносился глухой, плачущій вой,—отдаленный откликъ стаи волковъ.

Скоро Сергѣй Степановичъ и Иванъ были уже на вершинѣ яра и стали спускаться по другую сторону, но не прошли они и двухсотъ шаговъ, какъ въ прорѣзанной просѣкѣ, образованной разступившимися деревьями, блеснула серебристая полоса воды.

— Ура, ура!—кричалъ Иванъ, отъ радости комично подскакивая и бѣснуясь на берегу.

Да, это была рѣка. Не очень широкая, но полноводная, стальной лентой блѣкала она внизъ къ многоводной Оби, гдѣ ждало избавленіе и нашихъ путешественниковъ.

IV.

Тотъ берегъ, на которомъ находились ботаникъ и его слуга, довольно крутымъ скатомъ спускался къ рѣкѣ. По его склону и далѣе росъ густой и старый лѣсъ, полная противоположность тому, что можно было видѣть въ тундрѣ. Такой же лѣсъ, хотя болѣе мелкій, росъ и по другую сторону рѣки на вытянувшихся тамъ холмахъ, спускаясь едва ли не до самой воды, въ которой и отражался прівѣтливой толпой, колеблющейся на водяныхъ струяхъ.

Между рѣкой и скатомъ берега шла узкая песчаная полоса, отъ которой по склону подымался пестрый зеленѣющій коверъ, играющій подъ лаской солнца всѣми оттѣнками цвѣтовъ. Сергѣю Степановичу начинало казаться, что онъ не среди тундры, а гдѣ то далеко, далеко отъ нея, въ искусственно взрощенномъ цвѣточномъ саду. На зеленомъ коврѣ разросшейся травы граціозно пріютились золотистые лютики, привѣтливо склоняющіеся головкой къ печальной блѣдной полярной незабудкѣ. Здѣсь же качался своей красой желтый полярный макъ.

Подобные островки цвѣтовъ были разбросаны и далѣе на залитыхъ солнцемъ площадкахъ. Привѣтливо, красиво! Тихія воды рѣки, безшумно скользя по песку, шепчутъ о чемъ-то другомъ, далекомъ, они говорятъ о другой жизни въ иныхъ болѣе теплыхъ краяхъ.

Казалось, что и солнце хотѣло напомнить о томъ же: оно грѣло особенно жарко. Вѣтеръ утихалъ. Роемъ дрожала надъ водой и берегомъ мошка, маленькая, едва примѣтная, назойливая.

Сергѣй Степановичъ шелъ по берегу, любуясь и лѣсомъ, и рѣкой, и островками цвѣтовъ, словомъ, всѣмъ тѣмъ, отъ чего отвыкъ за послѣднее время его глазъ. Вдругъ какой-то длинный предметъ, напоминающій формой грубо обструганный стволъ большого дерева, привлекъ его вниманіе. Подошелъ поближе. Звукъ отъ удара говорилъ, что внутри была гулкая пустота.

— Остяцкая лодка!

Да, это была лодка, выдолбленная изъ ствола какого-то исполинскаго дерева и привязанная къ растущей тутъ же соснѣ бичевкой изъ оленьихъ жилъ. Лодка въ длину имѣла не менѣе 2 саженей и аршинъ съ небольшимъ въ ширину. Точно сдѣланная изъ картона, лодка эта была удивительно легка. Внутренность ея была раздѣлена, точно распорками, поперечными дощечками, служившими вмѣстѣ съ тѣмъ и для сидѣнія гребцовъ.

Внимательно осмотрѣвшись, ботаникъ увидѣлъ узкую тропинку, взбѣгающую вверхъ по отлогому берегу. Тропинка привела Сергѣя Степановича въ поросли ивняка и березы и побѣжала далѣе къ ровнинѣ, дымящейся теплыми испареніями. Едва Сергѣй Степановичъ вышелъ изъ поросли, какъ изъ груди его вырвалось легкое восклицаніе. Предъ нимъ была остяцкая деревушка: нѣсколько срубовъ, покрытыхъ дерномъ и съ плоской крышей, убого сгрудились на небольшомъ пространствѣ. Людей не было видно, не дымились также и трубы чуваловъ.

— Должно быть, обитатели «паула» отправились на сѣверъ, на рыбій промыселъ,—подумалъ ботаникъ и, чтобы убѣдиться въ томъ, есть-ли въ селеніи люди, онъ вынулъ револьверъ и выстрѣлилъ на воздухъ.

Глухо стукнулъ выстрѣлъ, откликнулся въ чащѣ лѣса и ботаникъ увидѣлъ, будто какое-то животное отдѣлилось отъ группы строеній и помчалось въ глубь тундры.

Что это?

Ботаникъ началъ ощущать слегка какой-то запахъ гніенія, доносившійся до него съ дыханіемъ теплаго вѣтра. Казалось, тамъ, въ этомъ молчащемъ «паулѣ», находились какіе-то трупы, отравляющіе воздухъ міазмами разложенія. Заинтересованный Сергѣй Степановичъ пошелъ по направленію къ селенію, но не сдѣлалъ и сотни шаговъ, какъ почувствовалъ, что смрадъ усиливается.

Ботаникъ почти добѣжалъ до ближайшей юрты. Одна секунда и дверь въ юрту открыта. Его обдало ужаснымъ трупнымъ зловоніемъ, перехватило дыханіе, застучало въ вискахъ и онъ упалъ бы, не отскочи онъ въ сторону и не задержи на секунду дыханія.

Сергѣй Степановичъ понялъ все. Какая-то заразная эпидемическая болѣзнь проникла въ беззащитное остяцкое селеніе, должно быть, оспа, наводящая паническій ужасъ на инородцевъ. И передъ «черной смертью» бѣжитъ инородецъ, спасаясь отъ «злого духа», проникающаго въ юрту за юртой. Бѣгутъ, покидая своихъ больныхъ и умирающихъ на произволъ судьбы, оставляя для нихъ воды въ берестяной кружкѣ да ломоть хлѣба. И не скоро вернется дикарь на покинутыя мѣста.

V.

Работа кипѣла. Ботаникъ лично осмотрѣлъ лодку, найдя ее въ полной исправности. Затѣмъ онъ поудобнѣе размѣстилъ въ лодкѣ ихъ немногочисленныя вещи, въ то время, какъ Иванъ очищалъ срубленныя имъ длинныя жерди, которыя должны были имъ служить при управленіи лодкой.

Иванъ также принялся за приготовленіе «водяного паруса». Срубилъ небольшую березку и искусно сплелъ ея вѣтви, переплетя ихъ такимъ образомъ, что вѣтви легли какъ бы въ одной плоскости. Такимъ образомъ получался зеленый щитокъ, который, будучи прикрѣпленъ къ носу лодки и опущенъ въ воду вершиной внизъ, а плоскостью перпендикулярно движенію водяныхъ струй, могъ способствовать большему ходу лодки внизъ по теченію. Этотъ способъ, въ миніатюрѣ и нѣсколько видоизмѣненномъ видѣ Иванъ перенялъ у двигающихся подъ «поднятымъ парусомъ» по Оби барокъ.

Тронулись въ путь поутру слѣдующаго дня. Лодка была для своей длины чрезвычайно узкая, плоскодонная, такъ что при каждомъ неосторожномъ движеніи сѣдоковъ покачивалась весьма подозрительно. Приходилось управлять ею, соблюдая крайнюю осторожность.

Передъ вечеромъ встрѣтились остяки рыболовы. Признали путниковъ радушно, рыболовствовали, улыбались, радостно схватили серебряныя монеты, данныя имъ за убогую провизію, которою они снабдили гостей. Уѣхали отъ нихъ, Сергѣй Степановичъ и Иванъ имѣли уже пару веселъ, похожихъ на широкія лопатки. Вареная рыба и лепешки изъ ржаной муки не были особенно вкусны, но съ этимъ приходилось мириться, чтобы не тратить времени на охоту и скорѣе добраться до села.

Ни ботаникъ, ни Иванъ не умѣли хорошо управляться съ лопаточками-веслами, такъ что лишь на третій день своего путешествія по рѣкѣ къ полудню они увидѣли р. Обь. На крутомъ берегу рѣки раскинулось опрятное и съ виду довольно зажиточное село Кушеватское. Когда лодка подходила къ этому живописному уголку, была ясная погода, одна изъ тѣхъ, которыя рѣдко выпадаютъ на долю этому угрюмому краю. Томно нѣжились подъ лаской солнца холодныя струи Оби и все, казалось, улыбалось: улыбались и домики села, живописно раскинувшіеся по яру, улыбались по ту сторону рѣки виднѣвшіеся далеко... далеко въ голубѣющей дали на фонѣ ясного блѣднаго неба зубцы снѣговыхъ вершинъ далекаго Уральскаго хребта. Эти снѣговыя вершины отбрасывали отъ себя чуть-чуть замѣтный отблескъ: это на горныхъ снѣгахъ игриво преломлялись солнечные лучи.

Даже Иванъ не удержался отъ восклицанія:

— Такъ что, ваше благородіе, весьма великолѣпный пейзажъ!

Весело выскакивая на берегъ и отбросивши далеко отъ себя ненавистныя весла-лопатки, онъ съ добродушной хитрецой посматривалъ на барина и проговорилъ серьезно:

— Ну, вотъ и пріѣхали! Къ лѣшему тундру, ишь, нѣдь, отощали совсѣмъ. Таперича ужъ можно будетъ и поотъѣсться малость.

Н. В. Могучій.

Но если бы я хотѣлъ передать въ малыхъ строкахъ суть «Преступленія», я привелъ бы поставленныя эпиграфомъ къ разсказу пессимистическія слова Экклезіаста:

«Потому, что во многой мудрости много печали, и кто умножаетъ познанія—умножаетъ скорбь».

Выдающійся ученый, докторъ Лурье, увезъ изъ Африки въ Парижъ негра Разу и подвергъ его жестокому опыту: во всеоружіи недоступной юношѣ науки, при помощи электричества, кинематографа и т. д. онъ сталъ показывать негру чудеса и внушилъ ему мысль, что онъ, докторъ Лурье,—богъ и всемогущій духъ. Когда же негръ нашелъ въ немъ себѣ бога, почувствовалъ жизнь свою заполненной и осмысленной чьимъ-то (доктора Лурье) сознательнымъ и властнымъ руководительствомъ, которому нужно только по-дѣтски покорно подчиниться, онъ, докторъ Лурье, сталъ знакомить негра съ элементами науки, срывающими покровъ тайны съ чудесныхъ явленій. Когда бѣдный негръ увидѣлъ на мѣстѣ чуда мошенничество и на мѣстѣ бога—экспериментатора, онъ повѣсился.

Послѣ этого докторъ Лурье пришелъ къ выводу, записанному имъ въ дневникѣ и представляющему собой разбавленное водой вышеприведенное изреченіе Экклезіаста.

Вотъ этотъ выводъ:

«Я понялъ, что служу не дѣлу жизни, а дѣлу разрушенія, что, служа знанію и срывая покровы съ таинственнаго прекраснаго міра, я обрекаю человѣчество на тоску безсмысленной и механической пустоты, въ которой собственная жизнь его становится безцѣльной и жалкой, какъ песчинка, уносимая ураганомъ».

И докторъ Лурье отравился.

2.

Идеи всяческаго отрицанія имѣютъ совсѣмъ особое вліяніе на неустойчивые умы.

Зрѣлый умъ, если ему показать, что все вокругъ него худо, стыдно, недостойно человѣка, берется первымъ, почти не произвольнымъ движеніемъ исправить зло, почистить и облагообразиться.

Незрѣлый умъ, умъ дикаря, сразу рѣшаетъ, что ему нечего больше ждать отъ жизни. Ибо другой жизни внѣ продѣловъ своихъ четырехъ стѣнъ и своего непосредственнаго опыта онъ не мыслитъ, а въ этой показной ему жизни все оказалось, [illegible] Выше, «гнусь и жалкое

Истинные ученые, экспериментаторы по натурѣ и призванію, такъ не дѣлаютъ. Они изслѣдуютъ причины, по которымъ экспериментъ потерпѣлъ неудачу, устраняютъ ихъ и потомъ пробуютъ еще десять, тысячу, милліонъ разъ.

Если бы докторъ Лурье, а не негръ Разу писалъ этотъ разсказъ, онъ заставилъ бы доктора Лурье на болѣе убѣдительныхъ опытахъ, чѣмъ произведенный, провѣрить несовмѣстимость для людей мысли и счастья (ниже я укажу, почему считаю опытъ съ негромъ неубѣдительнымъ); убѣдившись въ невозможности совмѣстить мысль и радость, онъ долженъ былъ честно спросить себя, что важнѣе для людей и для него: счастье или истина, и если бы нашелъ, что пріоритетъ принадлежитъ счастью, то свой прежній ученый грѣхъ передъ людьми долженъ былъ искупить дальнѣйшимъ служеніемъ счастью людей, пусть даже гоненіемъ на науку, которой онъ раньше поклонялся и даже жертвовалъ жизнью.

Это было бы послѣдовательно и логично; ошибка была бы не въ выводахъ, но въ самой предпосылкѣ о несовмѣстимости мысли и счастья.

Во всякомъ случаѣ совсѣмъ неубѣдителенъ опытъ съ негромъ.

Если бы докторъ сразу сталъ показывать негру чудеса, объяснять ихъ научныя основанія, то едва-ли негръ почувствовалъ бы себя несчастнымъ. Онъ просто почувствовалъ бы себя тоже богомъ, а не игрушкой бога, хотя бы и очень добраго. Умѣя самъ продѣлывать чудеса, онъ былъ бы не объектомъ, а субъектомъ міра, активнымъ, а не пассивнымъ. Едва ли это трагичнѣе, чѣмъ ходить слѣпымъ орудіемъ и игралищемъ темныхъ чудесъ.

Но докторъ сначала запугалъ негра чудесами, оскопилъ его мысль, а потомъ вдругъ пустилъ его въ открытое море мысли. Вотъ тутъ, въ этой первой половинѣ опыта, и есть истинное преступленіе доктора Лурье.

3.

Изслѣдовавъ силой мысли всѣ проявленія нашего духа, переоцѣнивъ всѣ человѣческія цѣнности, Арцыбашевъ не былъ бы послѣдователенъ, если бы не проклялъ и самую мысль, свою союзницу въ прежней работѣ.

И онъ искренно думаетъ, что онъ все посрамилъ, все разрушилъ и оставилъ землю голой, какъ колѣно.

жетъ быть и
мужества за
Тогда это
рящій, всѣ
пессимизмъ.
Что до Ар
важности его
разсказа, въ
цѣлому тому
Когда под
счетъ ликви
Продолжа
старый счет
ряться и ур
Мы стоим
менующемъ
при кризисѣ
Или онъ
слѣдней чер
утеряетъ св
онъ пойдетъ
О, если б
ленію, къ п
превращенія
Такъ хоч

По к

Не бѣда
томъ, что
быть может
Не бѣда
жизнь этого
скаго инок
монаха, съ
гипнозомъ д
наго сана,
паспорту Се
Не бѣда
Теперь эт
видно и то,
шую внутре
размѣнялъ н
размѣнялъ т
чески—и см
учила, расто
Несомнѣнн
политическ
цкую ихъ
дѣянія могл
Россіи и д

[illegible] разрушенное во-
[illegible] изреченіе Экклезіаста.

Вотъ этотъ конецъ:

«Я понялъ, что служу не дѣлу жизни, а дѣлу разрушенія, что, служа знанію и срывая покровы съ таинственнаго прекраснаго міра, я обрекаю человѣчество на тоску безсмысленной и механической пустоты, въ которой собственная жизнь его оказывается безцѣльной и жалкой, какъ песчинка, уносимая ураганомъ».

И докторъ Лурье отравился.

2.

Идеи всяческаго отрицанія имѣютъ совсѣмъ особое вліяніе на неустойчивые умы.

Зрѣлый умъ, если ему показать, что все вокругъ него худо, стыдно, недостойно человѣка, берется первымъ, почти не произвольнымъ движеніемъ исправить зло, почиститься и облагообразиться.

Незрѣлый умъ, умъ дикаря, сразу рѣшаетъ, что ему нечего больше ждать отъ жизни. Ибо другой жизни внѣ предѣловъ своихъ четырехъ стѣнъ и своего непосредственнаго опыта онъ не мыслитъ, а въ этой понятной ему жизни все оказалось, какъ говоритъ Ницше, «грязь и жалкое удовольствіе».

По этой же причинѣ нѣтъ еще такихъ проповѣдниковъ самоубійства, какъ гимназисты пятаго класса.

Такъ повѣсился и негръ Разу.

Покончилъ съ собой, правда, и докторъ Лурье, но одинаковая манера обоихъ реагировать на удары судьбы объясняется тѣмъ, что оба подчинены одному автору.

У иныхъ авторовъ всѣ персонажи, отъ крестьянина до графа, говорятъ языкомъ автора, у Арцыбашева всѣ чувствуютъ душой автора.

Кому же родственна душа автора: негру Разу или доктору Лурье? Мы знаемъ, какъ все послѣдовательно и понятно въ жизни и поступкахъ Разу, какъ все въ немъ цѣлостно, какъ все въ немъ понимается авторомъ.

Совсѣмъ не то съ докторомъ Лурье. Онъ остается непонятнымъ читателю, ибо не понятъ авторомъ, не сумѣвшимъ его намъ объяснить.

Привыкшій жить мыслью, а не чувствомъ, застрахованный отъ разочарованій, ибо недоступный очарованіямъ, скептикъ и экспериментаторъ, изслѣдователь и аналитикъ, докторъ Лурье вдругъ кончаетъ самоубійствомъ, то-есть признаетъ себя не только срѣзавшимся на экзаменѣ, самому себѣ устроенномъ, но и срѣзавшимся безнадежно.

[illegible] опытъ съ негромъ.

Если бы докторъ сразу сталъ, показывать негру чудеса, объяснять ихъ научныя основанія, то едва-ли негръ почувствовалъ бы себя несчастнымъ. Онъ просто почувствовалъ бы себя тоже богомъ, а не игрушкой бога, хотя бы и очень добраго. Умѣя самъ продѣлывать чудеса, онъ былъ бы не объектомъ, а субъектомъ міра, активнымъ, а не пассивнымъ. Едва ли это трагичнѣе, чѣмъ ходить слѣпымъ орудіемъ и игралищемъ темныхъ чудесъ.

Но докторъ сначала запугалъ негра чудесами, оскопилъ его мысль, а потомъ вдругъ пустилъ его въ открытое море мысли. Вотъ тутъ, въ этой первой половинѣ опыта, и есть истинное преступленіе доктора Лурье.

3.

Изслѣдовавъ силой мысли всѣ проявленія нашего духа, переоцѣнивъ всѣ человѣческія цѣнности, Арцыбашевъ не былъ бы послѣдователенъ, если бы не проклялъ и самую мысль, свою союзницу въ прежней работѣ.

И онъ искренно думаетъ, что онъ все посрамилъ, все разрушилъ и оставилъ землю голой, какъ колѣно.

Это, однако, невѣрно. Разрушая, всегда приходится думать о томъ, что создаешь взамѣнъ разрушаемаго, и, если даже ничего не хочешь создать, оно само создается. «Свято мѣсто пусто не бываетъ».

И вотъ Арцыбашевъ, незамѣтно для себя, разрушая, утверждаетъ. Что? А вотъ что:

«Служа знанію и, срывая покровы съ *таинственнаго прекраснаго міра*, я обрекаю человѣчество на тоску» и т. д.

Вотъ вамъ и утвержденіе «таинственнаго прекраснаго міра»... невѣжества. Бѣдный слѣпой Самсонъ, бѣдный Прометей въ салонѣ графини Игнатьевой и раздушенныхъ аббатовъ.

4.

Во всякомъ пессимизмѣ, законченномъ и безпросвѣтномъ, есть всегда нѣчто отъ евнушескаго слабосилія.

И, слѣдя за второй, пессимистической полосой арцыбашевскаго творчества, подъ которую теперь «Преступленіе доктора Лурье» подвело черту, я думаю объ одномъ изреченіи другого великаго ума, тоже пессимиста, но въ другомъ, болѣе жизнедѣятельномъ смыслѣ, объ изреченіи Ницше:

«Человѣкъ, твое дѣло не спрашивать у жизни смысла, но самому придать жизни смыслъ».

Я думаю, что пессимизму жизнеощущенія, отрицанію жизни, какъ она сейчасъ есть, долженъ сопутствовать оптимизмъ міропониманія, пріятіе міра, какимъ онъ мо-

---

Въ тундрѣ холмистые гряды и увалы почти всегда указываютъ рѣчные берега— [illegible] и болотникъ, мигнувъ уми- пышными деревьями, блеснула серебрянъ полоса воды.

— Ура, ура!—кричалъ Иванъ, отъ ра-

итаторы по
лаютъ. Они
лагъ эксце-
устраняютъ
ить, тыся-

негръ Ра-
заставилъ
дительныхъ
провѣрить
мысли и
ну считаю
мъ); убѣ-
совмѣстить
былъ че-
е для лю-
истина, и
ь принад-
ій ученый
ылъ иску-
счастью
на науку,
и и даже

и логично;
ть, но въ
ости мыс-

неубѣдите-

показы-
ихъ науч-
ть почтув-

жетъ быть и будетъ, если у насъ хватитъ мужества захотѣть.

Тогда это будетъ творческій, плодотворящій, возбуждающій, а не усыпляющій пессимизмъ.

Что до Арцыбашева и симптоматической важности его «Преступленія доктора Лурье», разсказа, въ которомъ я вижу эпилогъ къ цѣлому тому его разсказовъ, то думаю я:

Когда подводятъ итоги, то извѣстный счетъ ликвидируютъ.

Продолжать послѣ подведеннаго итога старый счетъ—значило бы смѣшно повторяться и уронить свой авторитетъ.

Мы стоимъ, очевидно, на Рубиконѣ, знаменующемъ поворотъ; мы присутствуемъ при кризисѣ арцыбашевскаго пессимизма.

Или онъ умолкнетъ по ту сторону «послѣдней черты», или будетъ повторяться и утеряетъ свое значеніе въ литературѣ, или онъ пойдетъ по новому пути.

О, если бы это былъ путь къ выздоровленію, къ просвѣтлѣнію слѣпого титана, къ превращенію негра Разу въ доктора Лурье.

Такъ хочется въ это вѣрить.

Семенъ Губеръ.

По капелькамъ.

Въ первыхъ
ніяхъ своихъ
правымъ рев
къ ниспровер
леннаго форма
нахъ, съ труд
же внѣдряша
Въ этотъ
тельствує
долженъ былъ
бурныхъ прин
отрицанія, к
мѣшавшихъ
ективныхъ п
И—опять
эти представ
ективнаго, И
точно образо
чески воспит
Онъ пос
тѣмъ же вн
отрицанія—с
носотенства,
бу, борьбу
просвѣщеніе,
щаго кроваво
утвержденія
Также по
покровит
доръ, прише
торая ему
Тогда тол
—и власть
политическая

Маленькій фельетонъ.

Не въ бровь.

Боже мой,—до чего мы стали оригинальны...

Передо мною огромный ворохъ газетныхъ святочныхъ разсказовъ.

Настоящій свалочный пунктъ!

И—представьте себѣ:

— Ни одного замерзнувшаго мальчика!

Это въ области творческой—съ позволенія сказать—фантазіи...

Зато дѣйствительная, наличная жизнь представлена такой телеграммой изъ Петербурга:

— Въ теченіе праздниковъ въ больницы доставлено громадное количество опившихся до потери разсудка. Найдено много пьяныхъ, замерзшихъ до смерти, масса—съ отмороженными конечностями.

Господа святочные сочинители,—вотъ вамъ тема для новогодняго разсказа.

Тема-съ!..

Можете посвятить ваши разсказы всѣмъ тѣмъ, кто занятъ сейчасъ:

— Борьбой съ пьянствомъ.

Пишите, какъ можно талантливѣе.

Чтобы они:

— Прочитали съ удовольствіемъ.

Надо-же потѣшить публику...

А. Смодяновъ.

...иодора, какъ
...ческаго борца, но не имѣла му-
...ва и данныхъ открыто признаться
...мъ, что ликвидируетъ политиче-
...безумца во имя сохраненія
...алъ правопорядка.
...іодоръ опоздалъ—и бросился къ
...ю, но также долженъ былъ
...ти къ своей ликвидаціи и
..., ибо для того, чтобы быть духов-
...вождемъ православной массы, дан-
...у него не было никакихъ, но была
...а гордыня и честолюбіе, не помиri-
...хъ съ народно-православнымъ пред-
...леніемъ о подвижничествѣ.
...лько движимый этой гордыней Илio-
... порвалъ съ церковью и пытался
...ать свою «Галилею», съ кощун-
...ными декораціями нагорныхъ про-
...ей, съ позированіемъ фотографамъ
...онѣ пасомыхъ имъ овецъ и т. д.
...іодоръ и здѣсь пришелъ къ краху
...о замысла.
...алилея», разсчитанныя на эффектъ
...вью съ корреспондентами о «новой
...ти», новомъ Божествѣ или толкова-
...Божества, вульгарно выражаясь, ус-
... не имѣли.
...о же дальше?
...жать?
...ылать новый «бумъ», чтобы снова
...вить говорить о себѣ?
...рыться, окруживъ свой уходъ ореo-
... мистической таинственности?
...іодоръ бѣжалъ.
..., что возможно было бы для про-
... сектантскаго вождя, для Иліодора
...наго времени, прикрытаго обликомъ
...наго подвижничества,—то для
...фанова стало невозможнымъ.
...іодора нашли.
...—по послѣднимъ свѣдѣніямъ, пере-
...смыхъ «Днемъ»—нашли въ недву-
...ленномъ обществѣ какой то моло-
...ой дѣвицы.
...льше—ужъ нѣтъ ничего, да и быть
...ожетъ.
...а молоденькая дѣвица—конецъ Илio-

...Увы!—онъ и здѣсь опоздалъ, этотъ
...ый инокъ, еще такъ недавно
...вѣдывавшій борьбу съ плотью: по-
...я проблемы перестали насъ инте-
...ать.
... для новой, бодрой жизни—что же
... осталось у Иліодора?

Н. Верховскій.

...авленію къ сеченію, но не сдѣлалъ
...ти шагомъ, какъ почувствовалъ, что
...ть усиливается.

Н. Смодиновъ.

Къ суду общественности.

Наиболѣе прогрессивно настроенная часть общества обвиняетъ «Южный Край» въ юдофобствѣ. «Утро» явилось выразителемъ этого мнѣнія и въ рядѣ статей доказало основательность и справедливость обвиненія. А. А. Іозефовичъ и его сотрудники не оправдывались: они не могли не видѣть, что всѣ попытки ихъ въ этомъ направленіи заранѣе обречены на неудачу. Поэтому всѣ старанія «Южнаго Края» были направлены на замалчиваніе самаго факта тяготѣющаго надъ нимъ обвиненія.

Въ № «Утра» отъ 24 декабря въ статьѣ «Трусливое молчаніе» я далъ литературно-общественную оцѣнку поведенія А. А. Іозефовича и его сотрудниковъ. При этомъ я, между прочимъ, утверждалъ, что «Южный Край» въ теченіе долгихъ лѣтъ служилъ дѣлу реакціи и лишь подъ давленіемъ объявленнаго ему въ 1905 г. бойкота изъ опасенія потерять всѣхъ своихъ читателей и публикаторовъ вынужденъ былъ заявить о своей прогрессивности, причемъ участники стараго «Южнаго Края» надѣли на себя маску прогрессивности и съ той легкостью, съ какой вчера писали погромныя статьи, сегодня уже писали въ либеральномъ духѣ.

Въ отвѣтъ на это А. А. Іозефовичъ и его сотрудники («Южный Край» отъ 25 декабря) не придумали ничего лучшаго, какъ голословно, безъ тѣни малѣйшихъ доказательствъ, назвать все это «клеветой», «гнуснымъ обвиненіемъ», «гнусной выходкой», и заявить, что они «привлекаютъ автора статьи «Утра», нѣкоего П. Трипольскаго, и редактора этой газеты къ отвѣту передъ судомъ за клевету».

Отвѣтъ, вполнѣ достойный соратниковъ Іозефовича, товарищей по редакціи Богдановича и Крымова.

Фактъ обращенія въ данномъ случаѣ къ коронному суду весьма характеренъ для «Южнаго Края». Онъ лишній разъ показываетъ, насколько прогрессивны г. Іозефовичъ и его сотрудники. При нашихъ русскихъ условіяхъ обращеніе къ уголовному суду со стороны прогрессивныхъ журналистовъ на почвѣ ихъ профессіональной дѣятельности допусти-

---

...тельно. Приходилось управлять ею, соблюдая крайнюю осторожность.

Передъ ночью встрѣтились остяки ры-

...имѣло даже преда...
...ась такого обвиненія
...передъ литературны...
...вмѣсто этого грозите...
Намъ эти угрозы и...
...прекрасно знало, что...
...способенъ обратиться...
...власти на своихъ...
...тивниковъ, способенъ...
...ко за «клевету», но...
Пусть же угроза...
...рѣе приведена въ...
...таки вы должны быть...
...къ литературному с...
...имѣете всѣ основанія...
...наго суда. Ваша лит...
...ственная физіономія...
...меттирована. Обращен...
...суду вы хотите не р...
...въ глазахъ обществен...
...темъ судебныхъ р...
«Утро» замолчать.
Поэтому сегодня вы...
...ныхъ репрессій, а зав...
...будете добиваться...
...репрессій. Отъ «Южнаг...
...комъ лѣтъ прослуживш...
...и разжиганію національ...
«Южнаго Края», устро...
...ство на антисемитских...
«Южнаго Края» съ...
Богдановичами, Надежд...
...всего можно ожидать.

П. Т...

Маленькія з...

Толпа.

Объ озвѣреніи харьков...
...падающей на карету с...
...писалъ въ газетѣ послѣ...
...тельнаго, прямо ужасна...
...толпа, окруживъ карету,...
...возможности оказать пом...
...му, когда карету встрѣти...
...гиканьемъ и только при...
...лиціи удалось взять больн...
Въ первый день праз...
...гелевскомъ шоссе произо...
...дикая, возмутительная сц...
...крови безъ сознанія леж...
...зарѣзанный молодой челов...
...щій врачъ,—описываютъ...
...очевидцы,—засталъ огромну...
...да, которая, несмотря на у...
...разступиться и не мѣшать о...
...мощь, не обращала никакого...
...все плотнѣе обступала вра...
...ровъ. Отражаемъ отсутствов...

Маленькій фельетонъ.

Не въ бровь.

Боже мой,—до чего мы стали оригинальны...

Передо мною огромный ворохъ газетныхъ святочныхъ разсказовъ.

Настоящій свалочный пунктъ!

И—представьте себѣ:

— Ни одного замерзнувшаго мальчика!

Это въ области творческой—съ позволенія сказать—фантазіи...

Зато дѣйствительная, наличная жизнь представлена такой телеграммой изъ Петербурга:

— Въ теченіе праздниковъ въ больницы доставлено громадное количество опившихся до потери разсудка. Найдено много пьяныхъ, замерзшихъ до смерти, масса—съ отмороженными конечностями.

Господа святочные сочинители,—вотъ вамъ тема для новогодняго разсказа.

Тема-съ!..

Можете посвятить ваши разсказы всѣмъ тѣмъ, кто занятъ сейчасъ:

— Борьбой съ пьянствомъ.

Пишите, какъ можно талантливѣе.

Чтобы они:

— Прочитали съ удовольствіемъ.

Надо-же потѣшить публику...

А. Смодяновъ.

Къ суду общественности.

Наиболѣе прогрессивно настроенная часть общества обвиняетъ «Южный Край» въ юдофобствѣ. «Утро» явилось выразителемъ этого мнѣнія и въ рядѣ статей доказало основательность и справедливость обвиненія. А. А. Іозефовичъ и его сотрудники не оправдывались: они не могли не видѣть, что всѣ попытки ихъ въ этомъ направленіи заранѣе обречены на неудачу. Поэтому всѣ старанія «Южнаго Края» были направлены на замалчиваніе самаго факта тяготѣющаго надъ нимъ обвиненія.

Въ № «Утра» отъ 24 декабря въ статьѣ «Трусливое молчаніе» я далъ литературно-общественную оцѣнку поведенія А. А. Іозефовича и его сотрудниковъ. При этомъ м о лишь въ очень и очень рѣдкихъ случаяхъ, главнымъ образомъ въ случаяхъ необходимости разоблаченія преступной дѣятельности сословическихъ организацій и ихъ вдохновителей, въ случаяхъ необходимости раскрытія роли лицъ, въ силу тѣхъ или иныхъ причинъ забронированныхъ отъ воздѣйствія на нихъ общественнаго мнѣнія. Переносить же въ коронный судъ литературно-общественный споръ о направленіи газеты или журнала и заставлять въ н а ш и д н и коронный судъ высказывать свое сужденіе по вопросу, имѣетъ или не имѣетъ та или иная статья черносотеннаго изданія по еврейскому вопросу характеръ погромной, по меньшей мѣрѣ, недопустимо для журналистовъ, именующихъ себя прогрессивными. Попытка втянуть въ литературно-общественный споръ судебныя учрежденія Имперіи такъ же недопустима, какъ и обращеніе въ подобныхъ случаяхъ за помощью къ розыскнымъ учрежденіямъ Имперіи.

Для разбора литературныхъ дѣлъ существуетъ литературный или третейскій судъ. «Утро» обвиняетъ А. А. Іозефовича и его сотрудниковъ въ юдофобствѣ, обвиняетъ А. А. Іозефовича и сотрудниковъ стараго «Южнаго Края» въ писаніи погромныхъ статей. Вы считаете это обвиненіе гнусной клеветой, такъ докажите это на страницахъ своей газеты. Вы считаете, что «Утро» не имѣло даже права выдвигать противъ васъ такого обвиненія, такъ докажите это передъ литературнымъ судомъ. Но вы вмѣсто этого грозите коронным судомъ. Намъ эти угрозы не страшны; «Утро» прекрасно знало, что «Южный Край» способенъ обратиться къ воздѣйствію власти на своихъ литературныхъ противниковъ, способенъ привлечь и не только за «клевету», но и за диффамацію.

Пусть же угроза судомъ будетъ скорѣе приведена въ исполненіе. Но все-таки вы должны были бы вызвать насъ къ литературному суду. Впрочемъ, вы имѣете всѣ основанія избѣгать общественнаго суда. Ваша литературная и общественная физіономія слишкомъ скомпрометтирована. Обращеніемъ къ коронному суду вы хотите не реабилитировать себя въ глазахъ общественнаго мнѣнія, а путемъ судебныхъ репрессій заставить «Утро» замолчать.

Поэтому сегодня вы добиваетесь судебныхъ репрессій, а завтра, быть можетъ, будете добиваться административныхъ репрессій. Отъ «Южнаго Края», 20 слишкомъ лѣтъ пресмыкающагося предъ власти

— съ отвѣрженными ничтожествами.

Гонка ежечасно сочинитаки,—вотъ вамъ тема для новогоднаго разсказа.

Тема-съ!..

Можете посвятить вашіи разсказы всѣмъ тѣмъ, кто занятъ сейчасъ:

— Борьбой съ пьянствомъ.

Пишите, какъ можно талантливѣе. Чтобы они:

— Прочитали съ удовольствіемъ.

Надо-же потѣшить публику...

А. Смоляновъ.

Къ суду общественности.

Наиболѣе прогрессивно настроенная часть общества обвиняетъ «Южный Край» въ юдофобствѣ. «Утро» явилось выразителемъ этого мнѣнія и въ рядѣ статей доказало основательность и справедливость обвиненія. А. А. Іозефовичъ и его сотрудники не оправдывались: они не могли не видѣть, что всѣ попытки ихъ въ этомъ направленіи заранѣе обречены на неудачу. Поэтому всѣ старанія «Южнаго Края» были направлены на замалчиваніе самаго факта тяготѣющаго надъ нимъ обвиненія.

Въ № «Утра» отъ 24 декабря въ статьѣ «Трусливое молчаніе» я далъ литературно-общественную оцѣнку поведенія А. А. Іозефовича и его сотрудниковъ. При этомъ я, между прочимъ, утверждалъ, что «Южный Край» въ теченіе долгихъ лѣтъ служилъ дѣлу реакціи и лишь подъ давленіемъ объявленнаго ему въ 1905 г. бойкота изъ опасенія потерять всѣхъ своихъ читателей и публикаторовъ вынужденъ былъ заявить о своей прогрессивности, причемъ участники стараго «Южнаго Края» надѣли на себя маску прогрессивности и съ той легкостью, съ какой вчера писали погромныя статьи, сегодня уже писали въ либеральномъ духѣ.

Въ отвѣтъ на это А. А. Іозефовичъ и его сотрудники («Южный Край» отъ 25 декабря) не придумали ничего лучшаго, какъ голословно, безъ тѣни малѣйшихъ доказательствъ, назвать все это «клеветой», «гнуснымъ обвиненіемъ», «гнусной выходкой», и заявить, что они «привлекаютъ автора статьи «Утра», нѣкоего П. Трипольскаго, и редактора этой газеты къ отвѣту передъ судомъ за клевету».

Отвѣтъ, вполнѣ достойный соратниковъ Іозефовича, товарищей по редакціи Богдановича и Крымова.

Фактъ обращенія въ данномъ случаѣ къ коронному суду весьма характеренъ для «Южнаго Края». Онъ лишній разъ показываетъ, насколько прогрессивны г. [illegible] Но на [illegible] ніе въ подобныхъ случаяхъ за помощью къ роскошнымъ учрежденіямъ Имперіи.

Для разбора литературныхъ дѣлъ существуетъ литературный или третейскій судъ. «Утро» обвиняетъ А. А. Іозефовича и его сотрудниковъ въ юдофобствѣ, обвиняютъ А. А. Іозефовича и сотрудниковъ стараго «Южнаго Края» въ писаніи погромныхъ статей. Вы считаете это обвиненіе гнусной клеветой, такъ докажите это на страницахъ своей газеты. Вы считаете, что «Утро» не имѣло даже права выдвигать противъ васъ такого обвиненія, такъ докажите это передъ литературнымъ судомъ. Но вы вмѣсто этого грозите коронным судомъ. Намъ эти угрозы не страшны; «Утро» прекрасно знало, что «Южный Край» способенъ обратиться къ воздѣйствію власти на своихъ литературныхъ противниковъ, способенъ привлечь и не только за «клевету», но и за диффамацію.

Пусть же угроза судомъ будетъ скорѣе приведена въ исполненіе. Но все-таки вы должны были бы вызвать насъ къ литературному суду. Впрочемъ, вы имѣете всѣ основанія избѣгать общественнаго суда. Ваша литературная и общественная физіономія слишкомъ скомпрометтирована. Обращеніемъ къ коронному суду вы хотите не реабилитировать себя въ глазахъ общественнаго мнѣнія, а путемъ судебныхъ репрессій заставить «Утро» замолчать.

Поэтому сегодня вы добиваетесь судебныхъ репрессій, а завтра, быть можетъ, будете добиваться административныхъ репрессій. Отъ «Южнаго Края», 20 слишкомъ лѣтъ прослужившаго дѣлу реакціи и разжиганію національной вражды, отъ «Южнаго Края», устроившаго товарищество на антисемитскихъ началахъ, отъ «Южнаго Края» съ его Іозефовичами, Богдановичами, Надеждиными, Крымовыми всего можно ожидать.

П. Трипольскій.

Маленькія замѣтки.

Толпа.

Объ озвѣреніи харьковской толпы, нападающей на карету скорой помощи, я писалъ въ газетѣ послѣ одного поразительнаго, прямо ужаснаго случая, когда толпа, окруживъ карету, не давала врачу возможности оказать помощь погибающему, когда карету встрѣтили свистомъ и гиканьемъ и только при содѣйствіи полиціи удалось взять больного...

Въ первый день праздника на Шиколевскомъ шоссе произошла такая же дикая, возмутительная сцена. Въ лужѣ [illegible]

жетъ быть и будетъ, если у насъ хватитъ мужества захотѣть.

Тогда это будетъ творческій, плодотворящій, возбуждающій, а не усыпляющій пессимизмъ.

Что до Арцыбашева и симптоматической важности его «Преступленія доктора Лурье», разсказа, въ которомъ я вижу эпилогъ къ цѣлому тому его разсказовъ, то думаю я:

Когда подводятъ итоги, то извѣстный счетъ ликвидируютъ.

Продолжать послѣ подведеннаго итога старый счетъ—значило бы смѣшно повторяться и уронить свой авторитетъ.

Мы стоимъ, очевидно, на Рубиконѣ, знаменующемъ поворотъ; мы присутствуемъ при кризисѣ арцыбашевскаго пессимизма.

Или онъ умолкнетъ по ту сторону «послѣдней черты», или будетъ повторяться и утеряетъ свое значеніе въ литературѣ, или онъ пойдетъ по новому пути.

О, если бы это былъ путь къ выздоровленію, къ просвѣтлѣнію слѣпого титана, къ превращенію негра Разу въ доктора Лурье.

Такъ хочется въ это вѣрить.

Семенъ Губеръ.

По капелькамъ.

Не бѣда, а трагедія Иліодора—въ томъ, что онъ постоянно опаздываетъ, быть можетъ, опоздавъ родиться вообще.

Не бѣда и не трагедія для Россіи жизнь этого нѣкогда смиреннаго почаевскаго инока, затѣмъ—неистоваго іеромонаха, съ наклонностями, задатками и гипнозомъ демагога, еще позже—лишеннаго сана, ставшаго обывателемъ—«по паспорту Сергѣемъ Труфановымъ».

Не бѣда и не трагедія.

Теперь это видно вполнѣ ясно, какъ видно и то, что свою несомнѣнно бывшую внутреннюю силу человѣкъ этотъ размѣнялъ на блестки внѣшняго успѣха, размѣнялъ торопливо, суетливо, истерически—и сила эта, въ концѣ концовъ, ушла, расточилась по капелькамъ.

Несомнѣнно, выйди Иліодоръ на арену политическихъ страстей въ дни наибольшаго ихъ разгара,—его жизнь и его дѣянія могли быть большой бѣдой для Россіи и для церкви, именемъ которой монашескій іеромонахъ прикрывалъ свои

Въ первыхъ политическихъ выступленіяхъ своихъ Иліодоръ явился яркимъ правымъ революціонеромъ. Стремился къ ниспроверженію строя, уже укрѣпленнаго формально въ основныхъ законахъ, съ трудомъ, съ препонами, но все же внѣдрявшагося въ жизнь.

Въ этотъ періодъ даже покровительствуемый Иліодоръ неминуемо долженъ былъ придти къ усвоенію сумбурныхъ принциповъ анархическаго всеотрицанія, къ борьбѣ противъ началъ, мѣшавшихъ реализаціи его всегда субъективныхъ представленій.

И—опять таки—для того, чтобы въ эти представленія ввести критеріи объективнаго, Иліодоръ не былъ ни достаточно образованъ вообще, ни политически воспитанъ.

Онъ послѣдовательно прошелъ—съ тѣмъ же знаменемъ субъективнаго всеотрицанія—стадіи мрачнаго, тупого черносотенства, отрицающаго идейную борьбу, борьбу за идейность, ненавидящаго просвѣщеніе, интеллигенцію, защищающаго кровавые лозунги «національнаго» утвержденія однихъ за счетъ другихъ.

Также послѣдовательно, все тотъ же покровительствуемый Иліодоръ, пришелъ къ отрицанію власти, которая ему несомнѣнно мѣшала.

Тогда только покровительство исчезло—и власть ликвидировала Иліодора, какъ политическаго борца, но не имѣла мужества и данныхъ открыто признаться въ томъ, что ликвидируетъ политическаго безумца во имя сохраненія началъ правопорядка.

Иліодоръ опоздалъ—и бросился къ церкви, но также долженъ былъ придти къ своей ликвидаціи и здѣсь, ибо для того, чтобы быть духовнымъ вождемъ православной массы, данныхъ у него не было никакихъ, но была бездна гордыни и честолюбія, не примиримыхъ съ народно-православнымъ представленіемъ о подвижничествѣ.

Только движимый этой гордыней Иліодоръ порвалъ съ церковью и пытался основать свою «Галилею», съ кощунственными декораціями нагорныхъ проповѣдей, съ позированіемъ фотографамъ на фонѣ пасомыхъ имъ овецъ и т. д.

Иліодоръ и здѣсь пришелъ къ краху своего замысла.

«Галилея», разсчитанныя на эффектъ интервью съ корреспондентами о «новой религіи», новомъ Божествѣ или толкованіи Божества

Семенъ Губеръ.

По капелькамъ.

Не бѣда, а трагедія Иліодора—въ томъ, что онъ постоянно опаздываетъ, быть можетъ, опоздавъ родиться вообще.

Не бѣда и не трагедія для Россіи жизнь этого нѣкогда смиреннаго почаевскаго инока, затѣмъ—неистоваго іеромонаха, съ наклонностями, задатками и гипнозомъ демагога, еще позже—лишеннаго сана, ставшаго обывателемъ—«по паспорту Сергѣемъ Труфановымъ».

Не бѣда и не трагедія.

Теперь это видно вполнѣ ясно, какъ видно и то, что свою несомнѣнно бывшую внутреннюю силу человѣкъ этотъ размѣнялъ на блестки внѣшняго успѣха, размѣнялъ торопливо, суетливо, истерически—и сила эта, въ концѣ концовъ, ушла, расточилась по капелькамъ.

Несомнѣнно, выйди Иліодоръ на арену политическихъ страстей въ дни наибольшаго ихъ разгара,—его жизнь и его дѣянія могли быть большой бѣдой для Россіи и для церкви, именемъ которой неистовый іеромонахъ прикрывалъ свои бурныя выступленія характера непрекращаемыхъ бравадъ.

Но на этой аренѣ замѣтнымъ борцомъ Иліодоръ сталъ лишь тогда, когда острый моментъ споровъ прошелъ, когда наступила даже не реакція, а нѣчто размѣненное на темныя деньги союзническихъ «милліоновъ»—изобрѣтенія Дубровиныхъ и Пуришкевичей.

Иліодору не хватило политической подготовленности, воспитанія, чтобы учесть это.

Оттого, въ выступленіяхъ своихъ онъ держался именно той аудиторіи—ея вкусовъ, требованій, стремленій—которая конкретнаго политическаго значенія имѣть не могла, ибо въ общей массѣ, если не гражданъ, то просто обывателей—движимые имъ элементы были и незначительны, и не авторитетны.

Быть можетъ, учитывая низкій политическій цензъ и дѣеспособность своей аудиторіи, воинствующій монахъ неуклонно стремился соединить въ своихъ бравадахъ политику съ церковью.

Но и изъ этого, кромѣ распада аудиторіи, не вышло ничего. Та часть ея, которая видѣла въ немъ вождя, презирала и чуждалась той части—количественно, пожалуй, и болѣе осязательной—которая въ Иліодорѣ хотѣла видѣть лишь духовнаго вождя, осѣненнаго особымъ наитіемъ отъ неба.

щаго кровавые лозунги «національнаго» утвержденія однихъ за счетъ другихъ.

Также послѣдовательно, все тотъ же покровительствуемый Иліодоръ, пришелъ къ отрицанію власти, которая ему несомнѣнно мѣшала.

Тогда только покровительство исчезло—и власть ликвидировала Иліодора, какъ политическаго борца, но не имѣла мужества и данныхъ открыто признаться въ томъ, что ликвидируетъ политическаго безумца во имя сохраненія началъ правопорядка.

Иліодоръ опоздалъ—и бросился къ церкви, но также долженъ былъ придти къ своей ликвидаціи и здѣсь, ибо для того, чтобы быть духовнымъ вождемъ православной массы, данныхъ у него не было никакихъ, но была бездна гордыни и честолюбія, не примиримыхъ съ народно-православнымъ представленіемъ о подвижничествѣ.

Только движимый этой гордыней Иліодоръ порвалъ съ церковью и пытался основать свою «Галилею», съ кощунственными декораціями нагорныхъ проповѣдей, съ позированіемъ фотографамъ на фонѣ пасомыхъ имъ овецъ и т. д.

Иліодоръ и здѣсь пришелъ къ краху своего замысла.

«Галилея», разсчитанныя на эффектъ интервью съ корреспондентами о «новой религіи», новомъ Божествѣ или толкованіи Божества, вульгарно выражаясь, успѣха не имѣли.

Что же дальше?

Бѣжать?

Сдѣлать новый «бумъ», чтобы снова заставить говорить о себѣ?

Скрыться, окруживъ свой уходъ ореоломъ мистической таинственности?

Иліодоръ бѣжалъ.

Но, что возможно было бы для простого сектантскаго вождя, для Иліодора прежняго времени, прикрытаго обликомъ духовнаго подвижничества,—то для Труфанова стало невозможнымъ.

Иліодора нашли.

И—по послѣднимъ свѣдѣніямъ, передаваемымъ «Днемъ»—нашли въ недвусмысленномъ обществѣ какой то молоденькой дѣвицы.

Дальше—ужъ нѣтъ ничего, да и быть не можетъ.

Эта молоденькая дѣвица—конецъ Иліодора.

...Увы!—онъ и здѣсь опоздалъ, этотъ неистовый инокъ, еще такъ недавно проповѣдывавшій борьбу съ плотью: половыя проблемы перестали насъ интересовать.

А для новой, бодрой жизни—что же еще осталось у Иліодора?

Н. Верховскій.

чего отвыкъ за послѣднее время его глазъ. Вдругъ какой-то длинный предметъ, напоминающій формой грубо

направленію къ селенію, но не сдѣлалъ и сотни шаговъ, какъ почувствовалъ, что смрадъ усиливается.

прогрессив-
какой вчера
сегодня уже
ть.
Іозефовичъ и
рай» отъ 25
ого лучшаго,
малѣйшихъ
это «клевет-
ъ», «гнусной
оти «привле-
ра», нѣкоего
этой газеты
а клевету».
соратниковъ
дакціи Богда-

ному случаѣ
характеренъ
лишній разъ
прессивны г.
ки. При на-
обращеніе къ
ы прогрессив-
ивѣ ихъ про-
допусти-

лять ею, со-
сть.
ь остяки ры-
радушно, ра-
радостно схва-
нныя имъ за
они снабдили
ргѣй Степано-
пару веселъ,
тки. Вареная
ной муки не
ъ этимъ при-
пе тратить

П. Трипольскій.

Маленькія замѣтки.

Толпа.

Объ озвѣреніи харьковской толпы, нападающей на карету скорой помощи, я писалъ въ газетѣ послѣ одного поразительнаго, прямо ужаснаго случая, когда толпа, окруживъ карету, не давала врачу возможности оказать помощь погибающему, когда карету встрѣтили свистомъ и гиканьемъ и только при содѣйствіи полиціи удалось взять больного...

Въ первый день праздника на Шпигелевскомъ шоссе произошла такая же дикая, возмутительная сцена. Въ лужѣ крови безъ сознанія лежалъ на улицѣ зарѣзанный молодой человѣкъ. «Прибывшій врачъ,—описываютъ происшествіе очевидцы,—засталъ огромную толпу народа, которая, несмотря на убѣжденія врача разступиться и не мѣшать оказывать помощь, не обращала никакого вниманія и все плотнѣе обступала врача и санитаровъ. Страхникъ отсутствовалъ и явился минуты за 2—3 до отъѣзда кареты. Съ большимъ трудомъ врачу удалось осмотрѣть раненаго». Раненый потерялъ массу крови и былъ въ безсознательномъ состояніи. Въ Александровской больницѣ онъ, не приходя въ сознаніе, черезъ часъ по доставленіи скончался...

И кто знаетъ? Возможно было бы спасеніе, если бы помощь была оказана во время. Пока добрались до Журавлевки,

Сергѣи Степано-
ко пару веселъ,
ьпатки. Вареная
ашкой муки не
о съ этимъ при-
бы не тратить
рѣе добраться до

гъ не умѣли хо-
ыпаточками-весла-
ретій день своего
къ полудню они
гомъ берегу рѣки
съ виду довольно
тское. Когда лод-
живописному угол-
, одна изъ тѣхъ,
ть на долю этому
нѣжились подъ
ля струи Оби и
ось: улыбались и
но раскинувшіеся
ту сторону рѣки
далеко въ голубѣ-
наго блѣднаго неба
инъ далекаго Урал-
ловыя вершины от-
ть-чуть намѣчаю-
а горныхъ снѣгахъ
солнечные лучи.
ркался отъ воскли-

благородіе, весьма
ъ!
на берегъ и отбро-
я ненавистныя вес-
добродушной хитре-
барина и проговор-

ѣхали! Къ лѣшему
отощали совсѣмъ.
будетъ и поотъ-

Н. В. Могучій.

стоніи. Въ Александровской больницѣ онъ, не приходя въ сознаніе, черезъ часъ по доставленіи скончался...

И кто знаетъ? Возможно было бы спасеніе, если бы помощь была оказана во время. Пока добрались до Журавлевки, пока убѣждали толпу...

Убѣждали не мѣшать оказать помощь тяжело раненому человѣку и тщетно, толпа «не обращала никакого вниманія»..

Что это были за люди? Кто они? Дикари, хулиганы?

Конечно, были и хулиганы, но не вся же **огромная** толпа состояла исключительно изъ дикарей, изъ ожесточенныхъ сердцемъ, изъ пьяныхъ, изъ потерявшихъ человѣческій обликъ...

Были въ толпѣ и почтенные люди, журавлевскіе жители, были и трезвые...

И вотъ они, эти люди, не только не вступились, не помогли врачу скорой помощи, но сами напирали, хулиганили, не обращали никакого вниманія на убѣжденія врача...

И это самое ужасное—это непониманіе, эта безчувственность, жестокость, равная преступленію, злодѣйству...

Развѣ не преступленіе препятствовать въ оказаніи помощи погибающему?

Этотъ же самый почтенный житель, семьянинъ, навѣрное, утромъ сходилъ въ церковь, «по-христіански» поздравилъ близкихъ съ праздникомъ, съ Рождествомъ Христовымъ...

И не злодѣи какіе-нибудь были на шоссе, гдѣ лежалъ раненый, не звѣри, а люди православные, добродушные, не жестокіе...

А на какую жестокость, на какое звѣрство способны «жители» въ толпѣ?

Можетъ быть, все это творится только на окраинахъ города,—тамъ, гдѣ люди не «культурны», невѣжественны, темны?..

Нѣтъ, къ сожалѣнію, дикія происшествія возможны и въ «центрѣ», и среди культурныхъ...